

Торфяные страдания

Как утверждал академик А.В. Винтер (первый практикант Р.Э. Классона), “уже с 1909-1910 гг. у Роберта Эдуардовича зреет заманчивая идея приложить свои знания электрификатора за пределами городской черты Москвы. Он мечтает построить вдали от Москвы районную электростанцию, используя местное топливо, и снабжать энергией этой станции промышленные предприятия, города и поселки района радиусом около 100 км. Следует отметить, что акционерное «Общество электрического освещения 1886 г.» не имело права подавать и продавать вне черты города энергию Московской электростанции. Подмосковный угольный бассейн в то время был мало известен и разрабатывался слабо, поэтому Классон остановил свой выбор на торфе.

На первых порах Р.Э., никому не рассказывая о своих замыслах, не создавая никакой проектной организации, самостоятельно и кропотливо проделал все подсчеты, убедился в их правильности, а затем обратился к банкирам, финансировавшим акционерное общество. Логика делаемого им предложения была неоспорима. Банкиры отлично понимали, что каждый затраченный ими на сооружение электростанции миллион сторицей возвратится, ибо потребители электроэнергии новой электростанции станут неизбежными заказчиками на всевозможное электрическое оборудование. Таким образом, было организовано новое акционерное общество «Электропередача», техническим директором которого был назначен Р.Э. Классон с сохранением за ним поста технического директора Московской электростанции.” (Выдающийся инженер-новатор в области энергетики Р.Э. Классон. «Известия АН СССР, Отделение технических наук». №9, 1951)

Формальный запрет для «Общества 1886 г.» продавать энергию Раушской станции вне Москвы был вроде бы зафиксирован в концессионном договоре с городом 1895 года. В июле 1914-го «Московские ведомости» сообщали:

Городская управа предъявила к Обществу электрического освещения 1886 г. требование о немедленной уплате 50 000 рублей, составляющих сумму процентных отчислений в пользу города за отпущенную Обществом для загородных абонентов электрическую энергию. Правление Общества отказалось от уплаты этой суммы и заявило, что оно намерено защищать в суде свои интересы.

С другой стороны, Р.Э. Классон давно интересовался торфом как местным топливом. Так еще в 1899-м он сделал весьма обстоятельный доклад «О современном состоянии промышленной эксплуатации торфяных болот» на заседании Германского общества содействия разработке торфяников (см. Приложение «Труды Р.Э. Классона»). Тем не менее, практического опыта у Роберта Эдуардовича тогда не было никакого.

Из записки “К вопросу об устройстве выставки «Белый и серый уголь»” («Электричество», 1913, №14):

Общество, снабжающее в настоящее время электрической энергией гор. Москву, предприняло уже постройку крупной электрической станции на торфяном болоте вблизи г. Богородска (в 70 верстах от Москвы). Станция эта предназначена для снабжения электрической энергией многочисленных фабрик, расположенных в районе действия станции во Владимирской и Московской губерниях. Станция строится по данным опыта известной германской электрической станции на остфрисландском казенном моховом болоте Wiesmoor, вблизи г. Ауриха.

А вот как вспоминал о приступе Р.Э. Классона к утилизации местного топлива Василий Александрович Бреннер, поступивший служить на Раушскую станцию в 1898-м и ставший затем его секретарем:

Что торф служит топливом для значительной части текстильных фабрик Московского района, конечно, всем было хорошо известно, но что на торфяном болоте можно построить мощную электростанцию с торфодобычей с этих же болот, это для всех нас было полным откровением. Не имея ранее дела с торфом, Роберт Эдуардович садится за книги, посвященные торфяному хозяйству, для чего он дает мне лично поручение скупить все, что только имелось на [книжном] рынке по этому вопросу.

Дает также, тотчас же, распоряжение за границу выслать все печатные материалы, имеющие отношение к торфодобыче и работе электрических станций на торфяном или более или менее подходящем топливе. Он немедленно разыскивает сам и приглашает на службу лиц, наиболее знакомых с торфяным хозяйством (И.И. Радченко, Е.С. Меншиков и др.)^{}.*

Сметы на станцию были составлены в 6 миллионов рублей, истрачено же на самую постройку ее было свыше 12 миллионов рублей. Такой «перерасход» доставил Р.Э. немало тяжелых переживаний при разговорах с нашими «хозяевами», немецкими и швейцарскими банками, но, конечно, никакой перерасход не мог удержать Р.Э. от осуществления его идеи, раз он признавал эту идею правильной. Он рассуждал вполне естественно, что пусть первый опыт будет дорогим, пусть будет станция не совсем правильно выстроенной, но идея, положенная в основу постройки районной станции, вполне целесообразна, и от осуществления такой идеи его нельзя было ничем удержать. (Памяти Р.Э. Классона. МОГЭС. 1926)

После поездки Р.Э. Классона в конце 1911-го со сметой в Берлин проект сооружения «Электропередачи» получил финансирование. Николай Иванович Языков так определял в 1926-м отношения Р.Э. Классона с западными банкирами:

Для дела Роберт Эдуардович в средствах не стеснялся. Не дают по письму, съездит в Берлин, убедит, ну и дадут. Хотя он в банках и назывался «наш Goldfresser» [(«наш пожиратель золота»)], а все-таки деньги давали.

Тем не менее, как мы уже видели и увидим далее, Роберт Эдуардович к расходованию финансовых средств относился весьма рачительно.

Сам Р.Э. Классон о своем новом проекте оставил следующие воспоминания:

Московская Электрическая станция работала исключительно на нефти, и, когда в 1911 г. я получил известие, что в 75-ти верстах от Москвы продается большое торфяное болото, то решил попытаться привлечь иностранный капитал к постройке районной электрической станции на торфу. В ноябре была предпринята экспедиция на болото для его осмотра, а затем я поехал в Берлин для ведения переговоров с банками относительно финансирования предприятия. В течение двух дней я договорился с банками, немецкими и швейцарскими, все необходимые кредиты были ассигнованы.

^{*} Все-таки, И.И. Радченко был по образованию счетоводом, а Е.С. Меншиков – химиком-технологом, и лишь в 1910 г. (т.е. за 3 года до приглашения Р.Э. Классона) его командировало Министерство земледелия изучать торфяное дело за границей. Из статьи «Директор Инсторфа Е.С. Меншиков»

(<file:///C:/Users/user/Downloads/direktor-instorfa-e-s-menshikov-1883-1926-k-130-letiyu-so-dnya-rozhdeniya.pdf>):

В 1913 году по приглашению акционерного общества «Электропередача» Меншиков работал помощником заведующего торфоразработками первой в России электростанции на торфе. По свидетельству инженера В.Н. Вальяжникова, нужно отметить большое значение его участия в этом деле. В 1914 году то же общество поручило ему составить проект торфоразработок в Тверской губернии.

Причем я, никогда не работавший ранее с торфом, ошибся в определении сметы на стоимость постройки электрической станции, так как упустил из вида значительное количество построек, которые необходимо было возвести в пустынном месте будущей районной станции, для того чтобы обеспечить персонал. Приходилось строить не только квартиры, но и больницы, школы, склады, бани и пр. – словом, выстроить почти небольшой город.

Зимой были составлены проекты, причем все проекты составлялись на Московской станции, ее персоналом, так как вообще постройка должна была вестись преимущественно силами и средствами этой станции, для которой районная станция являлась помощью и подспорьем.

С ранней весны 1912 г. было приступлено к работам на месте районной станции, причем в первую очередь надо было строить жилые помещения. Первые служащие и рабочие (первым приехавшим служащим был Валерьян Иванович Богомолов, живший в палатке на месте нынешней электрической станции) должны были размещаться во временных постройках, преимущественно в палатках, пока строились деревянные дома.

Место было совершенно дикое. Там, где сейчас стоит станция, около озера, бродило стадо лосей. Доступ к месту постройки станции был настолько труден весной, что приходилось на месте будущего шоссе рубить деревья, бросать их в воду, на деревья класть узкоколейные рельсы, засыпать их землей. И по этому рельсовому пути продвигалась вагонетка с лошадью, поддерживающая сообщение с местом постройки. К 1 мая была построена так называемая гостиница – большое здание с отдельными комнатами, в котором размещались все служащие, и которое являлось опорной базой для дальнейших работ. Тотчас же после того, как оказалось возможным по железной дороге, совершавшей правильные [(регулярные)] конные рейсы, доставить на место постройки рабочих, было приступлено к сооружению самой станции.

Одновременно начаты были работы на болоте. С торфом никто из нас знаком не был. Мы пригласили заведующим торфяными разработками Ивана Ивановича Радченко, который тоже с торфом знаком не был, и впервые с большим интересом занялись изучением торфяного хозяйства, доставшегося при покупке имения. Торфяное хозяйство было самое примитивное и состояло из старых локомотивов и старых торфяных машин. Было решено к следующему году, когда предполагалось временное открытие районной станции, пустить в ход 30 торфяных машин с электромоторами. Это была очень большая задача, так как никогда до тех пор в России такого количества торфяных машин не ставилось, но эта работа была успешно закончена, и в 1913 году все 30 машин были пущены в ход, хотя и с некоторым опозданием. (“Десятилетие станции «Электропередача» (1912-1922)”, ф. 9508 РГАЭ)

В январе 1912-го правление «Общества 1886 г.» постановило принять в новом проекте участие на уровне 20-25% капиталовложений. А затем в апреле этого же года и собрание акционеров «Общества 1886 г.» поручило правлению выступить соучредителем «Электропередачи». Правда, Московское акционерное общество «Электропередача» было организовано лишь в мае 1913-го. Немецкие и швейцарские банки не ограничились двухдневным рассмотрением сметы в Берлине. Весной 1912-го по приглашению Р.Э. Классона представители банков приехали на торфяное болото и на месте ознакомились с уже начавшимся строительством.

*Приезд банкиров на «Электропередачу, крайний слева на платформе – Р.Э. Классон»**

Следом энергетики подали проект «Электропередачи» на утверждение местных властей. Вот выдержка из пояснительной записки:

В Богородскую уездную земскую управу

23 апреля 1912 года

«Общество электрического освещения 1886 года» предлагает построить на берегу озера Госьбуж, в четырех верстах от 71-й версты Нижегородского шоссе, в Богородском уезде электрическую станцию для получения электрической энергии и снабжения ею городов, местечек, фабрик и заводов в Московской и Владимирской губерниях. Вся работа станции будет производиться машинами, а роль персонала будет сводиться лишь к надзору за правильной работой различных машин. Топливом будет служить торф, доставляемый в котельную так же при помощи механизмов.

* В феврале 2012-го автор сих биографических очерков обратился к музею истории Мосэнерго с «заманчивым предложением» об обмене фотками. Однако ни пересланные мною качественные сканы не были размещены, как удалось уследить на исчезающем сайте, ни запрошенный снимок банкиров на болоте «Электропередачи» (без портящего его «копирайта» «Мосэнерго») так и не был в ответ прислан, да и вообще сотрудники музея истории Мосэнерго высокомерно промолчали...

А я посмел указать этим самым сотрудникам на то, что подпись под фото «Разливка торфяной массы (гидроторф)» надо исправить на «Размыв торфа, на заднем плане видны торфососные краны с грейферами для удаления корней». А снимок «Руководство «Электропередача», четвертый слева К.П. Ловин, пятый слева Р.Э. Классон» – на «... слева направо А.В. Винтер, Э.Р. Ульман, Г.М. Кржижановский, В.В. Старков, Р.Э. Классон». В 1913-м, когда был сделан этот снимок, К.П. Ловин работал в Питере помощником монтера, трансформаторщиком (как сотрудники музея истории Мосэнерго сами отметили в его биографии). Непонятно так же, укорял я этих кое-какеров, зачем они «отрезали» на фото В.Д. Кирпичникова (крайнего слева)? В конце мая 2012-го сайт музея истории Мосэнерго попросту исчез из Интернета... Правда, в июле сайт вновь возник, а портящие снимки горизонтальные полосы «копирайта» уже исчезли (при этом В.Д. Кирпичников появился, но с «отрезанными» частями тела)... Я тут же скопировал приведенный выше снимок.

Автор здесь должен повиниться перед взыскательным читателем, что ему уже не досуг было добираться до того архива, куда «Мосэнерго» сдало свои старые документы, поэтому он цитирует их по книге Г.В. Липенского «Московская энергетическая» (изд. «Московский рабочий», 1976), при подготовке которой последний извлекал эти документы из архива технического отдела «Мосэнерго».

Акции «Электропередачи» к маю 1914 г. принадлежали: приблизительно по 40% германским и швейцарским банкам и около 20% – «Обществу 1886 года» Германскими акционерами были берлинское «Общество электрических установок» (Elektrische Licht- und Kraftanlagen A.G.) – около 20%, Немецкий банк (Deutsche Bank) – около 15%.

Итак «Общество 1886 г.» в конце 1911 – начале 1912 года купило у купца Полякова за миллион с чем-то рублей подмосковное болото, точнее так называемое имение площадью 4,3 тысячи гектаров в Буньковской волости Богородского уезда. В этом имении и располагалось торфяное болото, а электростанцию и ее центральный поселок запланировали построить на суходоле близ небольшого озера Гозьбуже (имелись, как уже мы видели, и другие варианты написания его названия).

Имение, довольно причудливой формы, примыкало частью своей южной границы к Владимирскому (Нижегородскому) тракту на его 71-й версте от Москвы. Этот район был вторым после Иваново-Вознесенска центром российской текстильной промышленности. В Орехово-Зуеве работали фабрики наследников Саввы и Викулы Морозовых, в пригороде Богородска (ныне Ногинск) Глухове – Арсения Морозова. Ряд фабрик располагался в Павловском Посаде и близ него. В Тимкове и других селах и деревнях близ будущей «Электропередачи» работали ткачи-кустари.

В.А. Бреннер так описывал начало «торфяных страданий» своего шефа и его соратников:

Мне лично первый раз удалось побывать на «Электропередаче» в начале марта 1912 года. Добравшись до Богородска по железной дороге, мы наняли извозчика, доехали до 71-й версты, там пересели на крестьянские дровни и какими-то едва проходимыми тропами приехали на то место, где стоит нынешняя станция «Электропередача». Кругом ни души. Стоит большая полотняная палатка, а в палатке сидят за самоваром Роберт Эдуардович и Иван Иванович Радченко. Впечатление – как будто на Северном полюсе среди самоедов.

На мой вопрос: «Неужели Вы думаете здесь строить станцию, и когда же, по Вашему мнению, она будет готова?», Р.Э., улыбаясь, ответил: «Мы тут несколько дней тому назад спугнули большое стадо лосей». Это показывает, насколько диким и необитаемым было место. Но, говорит Р.Э., к осени будущего года, то есть через год с небольшим, мы должны будем не только выстроить саму станцию, но и дать ток на соседние фабрики и в Москву.

Такие условия были поставлены ему банками, и он считал вполне возможным закончить постройку в такой срок. Мне тут же, в палатке, он дает поручение разработать договор с торфяными артелями, так как в мае [1912 г.] уже необходимо будет приступить к добыче торфа.

Конечно, каждому из нас теперь это кажется легким и понятным, но, повторяю, для работников 1911-12 годов все технические выражения, такие, как будто, обычные, как «торфяной карьер», «количество торфяных кирпичей» и т.п., были какими-то жупелами. Но мы были постоянно заражаемы энергией и любознательностью Р.Э. и прилагали все усилия выполнить даваемые им поручения, как бы они ни казались нам трудными и несбыточными.

*У палатки (за спиной у Р.Э. Классона стоит И.И. Радченко),
музей Электрогорска, фото В.И. Богомолова*

Уже через два-три месяца почва настолько обсохла, что Р.Э. приступил к постройке шоссе с 71-й версты [[Нижегородского шоссе](#)] к станции. Через месяц на этом шоссе появилась вагонетка, на вагонетке установили самодельный вагон, и связь «Электропередачи» с культурным миром была налажена.

Р.Э. проявил в это время, т.е. за время постройки «Электропередачи», нечеловеческую энергию, и станцию в мае 1913 г. не только выстроил, но и дал с нее ток [[на торфоразработки](#)], а к началу следующего года была осуществлена передача энергии и в Москву путем устройства линии высоковольтной передачи на 70 000 вольт, первой в России такого высокого напряжения.

По-видимому, «передача энергии в Москву» осуществлялась чисто техническим подсоединением к кабельной сети напряжением 6 киловольт Раушской станции, через Измайловскую трансформаторную подстанцию и Металлический завод Гужонов.

В фонде семьи Радченко (ф. 9455 РГАЭ) хранится весьма объемный, зато всесторонне детализированный договор с подрядчиком Степаном Даниловичем Староверовым на производство работ в 1913 году, подписанный Р.Э. Классоном. Остается только поражаться, как в начале XX века заключались подобные крупные сделки.

«Простой» крестьянин-подрядчик из Рязанской губернии, Скопинского уезда, Чуриковской волости и села, без создания юридического лица, вносил залог в 10 тысяч рублей и нанимал более тысячи торфяников для работы на 25-ти электрифицированных элеваторных машинах. А затем следил (по-видимому, через десятников) за тем, чтобы они «подчинялись объявленному конторою распорядку работ» и «за тишиною, чистотою и опрятностью» в предоставленных «Обществом 1886 года» квартирах (скорее, все-таки, в казармах или бараках).

В уже упоминавшихся воспоминаниях Роберта Эдуардовича “Десятилетие станции «Электропередача» (1912-1922)” описывалось весьма оригинальное поведение бывших крестьян, бросивших свои наделы ради более доходного, как им казалось, занятия:

В первый же год нам пришлось столкнуться со своеобразной психологией торфяников, и незнакомство с этим своеобразным людом заставило нас сделать вначале целый ряд ошибок.

Так мы в первый год, когда у нас было всего лишь 8 [торфяных] машин, условились с Радченко, что мы будем платить значительно дороже соседей. С тем чтобы на этих 8-ми машинах выработать как можно больше торфа и тем обеспечить возможность начала работы станции в будущем году на первое время сезона, когда новый торф еще не может поспеть. Оказалось, однако, что у торфяников существовал неписанный закон, по которому они выработывали в сезон 80 руб., и этих 80-ти руб. им хватало на жизнь до следующего торфяного сезона. Так как мы платили дороже соседей, то они у нас заработали эти пресловутые 80 руб. раньше и тотчас же после этого ушли, не соглашаясь ни при каких условиях работать дальше. Напротив, у соседей, которые платили дешевле, торфяники работали до окончания сезона.

После этого Радченко пришел как-то с парадоксальным заявлением, что для того, чтобы выработать много торфа, надо платить как можно меньше торфяникам. Так как это положение совершенно противоречило всем правилам политической экономии, то мы в первое время никак не могли с этим освоиться. Но действительность показала, что это совершенно верно: вплоть до самой войны торфяники выработывали свои 80 руб. и бросали работу и уходили. Но в 1915 г., когда они пришли, то оказалось, что у них нет никакого импульса работать, так как водка была запрещена.

А при этих условиях для них не было никакого смысла выработывать больше денег, чем нужно для пропитания. Мы старались убедить торфяников, чтобы они деньги тратили на полезные для себя вещи. И нам удалось убедить их, чтобы они купили себе сапоги. После покупки сапог они решили, что будут есть баранки из белой муки, и мы спешно выписали для них специальных пекарей. Но дальше их фантазия не пошла, и никаких других потребностей у них не оказалось, так что работать стало не для чего. Мы несколько раз, шутя, говорили, что торфяников надо послать на казенный счет в Монте-Карло, чтобы привить им хотя бы какие-нибудь потребности, так как при полном отсутствии потребностей в них не было ни малейшего стимула к работе.

Весьма наблюдательный Р.Э. Классон отмечал, что парадоксальные, на первый взгляд, мотивы поведения торфяников могли бы заинтересовать «инженеров человеческих душ»:

И в дальнейшем нам приходилось постоянно сталкиваться со своеобразной психологией торфяников. Наиболее разительный случай был следующий. Мы выписали несколько артелей торфяников на две недели раньше сезона, причем гарантировали им, кажется, полтора рубля в день. Они приехали (человек полтора года) в Москву 17 апреля и на вокзале узнали, что на другой день, 18 апреля, будет введено летнее расписание, и билет будет стоить не 40, а лишь только 30 копеек.

Тогда вся масса торфяников решила просидеть сутки на вокзале, чтобы сэкономить гривенник. Десятник, провожавший торфяников, был в отчаянии, убеждал их, что они проедят очень много и, кроме того, потеряют гарантированные полтора рубля. Но торфяники решили «нагнать экономию» и пролежали сутки на вокзале. Причем, как уверял десятник, они проели около рубля на человека.

Торфяники весь год ничего не делали и работали только в течение летнего сезона. Земли своей они не обрабатывали и никакими другими ремеслами не занимались, лишь изредка выезжали для вывозки торфа и дров и то крайне неохотно. Вообще, должен сказать, что торфяники еще ждут своего Шекспира, который описал бы их психологию и сделал бы ее понятной для постороннего человека.

Но, похоже, писатели так и не заинтересовались такими яркими типажам. По крайней мере, автор этих строк не может припомнить подобных произведений. Кстати, Алиса Ивановна Радченко (урожд. Мейбаум), жена заведующего торфяными работами Ивана Ивановича, в своих дневниковых записях тоже оставила немало живых заметок о торфяниках и торфушках. (ф. 9455 РГАЭ)

Пристанционный поселок (теперь Электрогорск) строился довольно быстро. Из дневниковой записи А.И. Радченко в мае 1912-го:

Ездили мы с мужем [из Бунькова] на озеро Гозьбуже (что за странное название!), центральный пункт [торфяного] имения. Здесь со временем будет выстроена мощная станция на торфу. И сейчас уже здесь много культурных достижений в виде узкоколейки, телефона, новых построек. Здесь работает много немцев-техников и монтеров. Еще бы! Ведь предприятие принадлежит немецкому акционерному об-ву 1886 г.

<...> Вчера торфяники здешние справляли свой храмовой праздник с молебном, освящением построек, угощением и выпивкой. И даже Ивана окропили «святой водой» – никак нельзя было отвертеться от этой чести! «Назвался грибом, полезай в кузов».

Вот как дорого приходится платить за возможность вести интересную творческую работу вместо мертвой бухгалтерии. Но ведь устроил его на это место старый партийный товарищ Кржижановский, а ведь он-то должен был знать, чем это пахнет! Много за это время тут выстроено новых стильных домиков для рабочих и служащих. Иван говорит: «Поменьше бы стилия, да побольше удобств». Конечно, он прав; только уж очень красивы блестящие новизной шведские домики на фоне яркой весенней зелени. Это уже стиль Классона – технического директора стройки.

И из июньской записи:

У мужа начинаются неприятности с московским техническим директором Классоном, с которым они до сих пор так хорошо понимали друг друга. У Классона всегда имеются широкие, блестящие технические планы, но практически, кажется, не всегда выполнимые. А Иван – организатор, практик прежде всего. <...> Ездили с мужем на Озеро к Классонам. На обратном пути видели жуткую картину: 40 человек торфяников, взявшись за общий толстенный канат, тащат по нашей сыпучей песчаной четырехверстной дороге целый локомотив – как бурлаки корабли.

В трубу локомотива воткнут громадный пылающий факел, освещающий дорогу и черные зубчатые стены леса по бокам ее. <...> Они полупьяны, они предварительно – для силы и храбрости – накачались водкой. Они сами просили предоставить эту работу им, а не лошадям. И коммерческий директор, немец Буссе, с удовольствием на это согласился, ибо в один миг прикинул, что людская тяга обойдется здесь дешевле конной; к тому же лошадей недолго и испортить на этой работе.

В июле 1912-го по «Электропередаче» пронесся опустошительный пожар (лесной и болотный). Он продолжался восемь дней. Строительству станции пожар нанес незначительный ущерб, но он совершенно изменил пейзаж: вместо непроходимой чащи образовалось 2 000 гектаров выгоревшей пустоши. Само болото от пожара тоже не пострадало, если не считать сгоревшего покрова из мха и леса на нем. Поскольку на суходоле, где строился поселок, весной по указанию Р.Э. Классона был вырублен вереск, рубленные дома от пожара не пострадали. Как вспоминал сын Иван, Роберту Эдуардовичу не нравилось, что на суходоле (т.е. не на торфяном болоте, а на песчаном или глинистом грунте), где строился центральный поселок, земля была покрыта не травой, а вереском, который он любил, но не в саду! В других же местах как раз вереск способствовал распространению пожара.

По некоторым сведениям, московский губернатор Владимир Федорович Джунковский, опасаясь этого, сам приезжал в поселок «Электропередачи» и даже прислал в помощь воинскую часть! Вот как он потом вспоминал о пожарах лета 1912-го:

Конец июля месяца Московскую губернию постигло стихийное бедствие – вследствие сильной засухи (в течение 6-ти недель не было ни одного дождя) начались лесные пожары. Бороться с ними было очень трудно, горели леса понизу и поверху, горели и торфяные болота, последние главным образом.

Все население было мобилизовано на борьбу со стихией, два полка пехоты побатальонно были командированы в разные места, полиция буквально сбивалась с ног. В течение 5-ти дней, день и ночь, я объезжал одно место пожарища за другим и на лошадях, и на автомобиле, направляя помощь то в одну, то в другую сторону, лично руководя распределением сил.

Меня сопровождал состоящий при мне В.Д. Шереметевский. Главное внимание мое было обращено, конечно, на села и деревни, дабы спасти их от огня, и это мне удалось, благодаря энергичному содействию местного населения, под умелым и сердечным руководством земских начальников и чинов полиции.

Много жутких впечатлений пришлось мне пережить при моих разъездах, особенно по ночам, когда на темном небосклоне отражался лесной пожар, шедший по верху; солдаты едва успевали делать широкие просеки, чтобы останавливать огонь. Иногда же и это не помогало, и огонь перебрасывало через просеку. Но еще более жуть брала, когда огня видно не было, когда горели корни деревьев, под землей, когда огонь шел в глубине. Бывало, идешь по лесу, кажется, будто ничего, вдруг какое-нибудь гигантское дерево падает, ломает по пути другие, и из земли неожиданно вырывается пламя огня.

А то в другой раз – идешь по лугу, вдруг нога проваливается и из ямы вырывается пламя. В таких случаях приходилось делать глубокие канавы, иногда в несколько аршин глубины. Только в самых последних числах июля удалось справиться с этим стихийным бедствием. Оно охватило главным образом Богородский, часть Московского и Звенигородский уезды.

Из дневниковой записи А.И. Радченко от 25 июля:

Ну и денечки пришлось нам пережить! Жара и духота все продолжают; температура доходит до тридцати градусов по Реомюру в тени. Все время дует сильный знойный ветер вроде сирокко или самума; он то и превратил все давно уже вспыхивающие то там, то сям лесные пожары в одно сплошное пожарище. Все работы кругом прекращены и все от мала до велика превратились в пожарных. Иван мой и днюет, и ночует вне дома – его прямо-таки рвут на куски.

Сильнее всего свирепствует пожар на Озерном участке [(у пос. «Электропередача»)], где для него больше всего имеется пищи в виде строительных материалов. Люди выбиваются из сил, туша лопатами, ветками, водой; время от времени окунаясь в теплое, как парное молоко, озеро. Сгорело шесть двухэтажных строящихся домиков для служащих, много материала и готового торфа. Класоновские ребята через море огня пробилась на автомобиле в Богородск. Мы так же целый день были готовы удрать [из Бунькова] от огня, который нас окружал со всех сторон, оставляя лишь узкую лазейку – дорожку. Во дворе все время стояли два запряженных тарантаса с необходимыми вещами.

По двору толпами ходили торфушки и выли: «Ой, смерть наша пришла!». Я их успокаивала, что пока мы с детьми не сядем в тарантасы, опасности еще нет. Когда мы поедем, они все поедут вместе с нами. С мужем все время шли переговоры по телефону: то он прикажет ехать через 5 минут, то через 20, а то подождать до вечера.

Наконец самая острая опасность миновала, и мы остались, но до чего страшный был день! Главное – это духота на «воле», даже хуже, чем в доме. Мы с [двухлетним сыном] Алешей тяжело угорели, началась у обоих неукротимая рвота.

<...> На другой день мы с мальчиками ходили смотреть на ближайший пожар. Какая это своеобразно красивая и величественная картина, когда море огня быстро-быстро перекачивает свои волны от кочки до кочки, от кустика до кустика, время от времени вскакивая вверх по стволу березы или сосны.

Даже уже в затушенных местах горячая зола жжет ногу сквозь подошву обуви. Видели как по канаве, единственному негорячему месту, в смертельном страхе металась белка да лягушка, заяц и змейка, изгнанные огнем из своих убежищ, как в такой же тревоге металась по небу птицы.

Наконец-то приехали пять рот долгожданных всеми солдат, а с ними двадцать офицеров, которых [(офицеров)] мне приходилось кормить и устраивать на ночлег. Ни одного дня и часа теперь уже не принадлежит себе и семье: одному нужны какие-то справки, другому поговорить по нашему телефону; одних корми в нашей столовой, других в их комнатах; третьим посылай еду по три раза в день на пожарище в нескольких верстах от дома.

Но зато с пожаром уже более или менее покончено. Убытки от него громадные, несмотря на то, что все было застраховано. Одних чаевых затрачено на несколько тысяч рублей. А сколько потерянных рабочих дней!

Надо сознаться, что наши собственные живые огнетушители не слишком усердствовали в отсутствие начальства, пропадавшего на самом опасном Озерном участке. Девушки, те действительно работали не за страх, а за совесть, а мужики больше были заняты тем, чтобы их подгонять, самим валяясь на песке, да еще издеваясь над «дурами».

В мае-июне 1912-го был возведен рубленый трехэтажный «дом правления» с электрическим освещением (уже работала временная локомотивная электростанция), телефоном, временным домовым водопроводом и ванной. Вслед за первой «гостиницей», построенной к 1 мая старого стиля, была сооружена вторая такая же – общежитие коридорного типа. Рядом с «домом правления» была окончена постройка соседних зданий: такого же трехэтажного дома заведующего станцией и несколько меньшего дома для управляющего торфоразработками И.И. Радченко. А подальше – двух одинаковых двухквартирных домов (в первом из них была общая квартира Г.М. Кржижановского и В.В. Старкова) и меньшего двухквартирного дома. Одновременно с домами на этой просеке «первой категории» строились дома на параллельных просеках «второй и третьей категорий».

*Бывший дом правления, где теперь размещается музей Электрогорска
сентябрь 2012 г.*

В «доме правления», кроме Р.Э. Классона – технического директора «Общества 1886 г.», а с мая 1913-го и только что учрежденного «Московского акционерного общества Электропередача» – иногда жил и коммерческий директор обоих обществ Э.Г. Буссе. Заведующим станцией летом 1912-го был В.С. Пискунов, но уже с осени А.В. Винтер, а с лета 1916-го А.А. Сафонцев и затем Б.Н. Смирнов (сын строителя Раушской электростанции Н.В. Смирнова). Преемником И.И. Радченко в 1917-м (которого после февральской революции избрали председателем Богородского совета рабочих и крестьянских депутатов) стал Н.Л. Голованов.

Все дома были рубленые, с герметическими дровяными печами, с водопроводом от артезианской скважины, с электрическим освещением – сначала от упомянутой выше временной локомобильной электростанции.

В.В. Воровский, принятый на «Электропередачу» на временную работу – организовать потребительское общество, писал в ноябре 1913-го В.Д. и В.М. Бонч-Бруевичам: *«Дали мне на болоте квартиру из трех комнат, с ванной, мебелью, отоплением и освещением. Дали 100 целковых в месяц».*

*Инженеры на «Электропередаче» зимой
(крайний справа – Р.Э. Классон, крайний слева – И.И. Радченко)*

Из дневниковой записи А.И. Радченко в том же месяце:

Воровский тут будет вестить нашими общественными делами: партийными, профсоюзными и кооперативными. Коммерческий директор Буссе смеется: «Да у вас тут прямо какой-то социалистический городок!» Но закрывает глаза на все наши «беззакония», лишь бы хорошо работали и приносили Обществу достаточный приход. А с уездной полицией дела улаживаются с помощью определенной «мзды».

По воспоминаниям И.Р. Классона, позже выяснилось, что первые четыре дома «Электропередачи» были построены с нарушением противопожарных правил: одноэтажные гостиницы были длиннее, чем допускалось для деревянных зданий без разделительных брандмауэров, а дома правления и заведующего станцией – трехэтажные, что тоже было запрещено для деревянных зданий.

Центральный поселок, торфяные поселки и здание самой станции строились с минимальной вырубкой леса. Вдоль улиц – прямых просек – были посажены лиственные деревья. Из дневниковой записи А.И. Радченко в марте 1913-го:

Шура в гостях [у нас]. Тороплю его домой обедать: «Смотри, все рабочие уже идут с работы, и твой папа сейчас придет». – «Мой папа не рабочий, он не работает». – «А что же он делает?» – «Так, ничего и не делает». Няка: «А твой папа, значит, бездельник? Ничего не делает, только у Классона сосны рубит!» (Месяц тому назад отец за столом рассказывал, как Шурин отец зря велел срубить большую сосну и как Классон на это рассердился).

Шура Мельников – это товарищ по играм с Някой (Алексеем), сыном Радченко.

Здесь мы вынуждены привести совершенно невразумительную публикацию из петербургской «Правды» от 11 сентября 1912 г.:

Богородск

Общество электрического освещения 1886 г., имеющее станцию для выработки электрической энергии в Москве, с весны этого года начало расширять свои операции в промышленном районе Подмосковья. Для этого Обществом приобретена близ г. Богородска земля с большими залежами торфа, для выработки которого уже устанавливаются машины. Одновременно строятся обширная электрическая станция, казармы для рабочих и другие службы. Станция предполагает обслуживать энергией расположенные в этой местности фабрики.

Положение работающих на постройке новой станции [Общества] электрического освещения из рук вон плохо. Позаботились только о постройках теплых помещений для инженеров, для рабочих же выстроены временно холодные и протекающие помещения. Наступившие ненастье и холода слишком тяжело отражаются на здоровье, т.е. промокшим и продрогшим рабочим совершенно негде высушиться и обогреться; непромокаемой одежды не выдают даже мастеровым. Много страдают желудочно-кишечными заболеваниями. Все обременены сверхурочными работами.

Невразумительность сей заметки состоит в том, что в ней не приведено ни одного конкретного факта, за который можно было бы зацепиться при возможных архивных изысканиях: где располагались эти «временки» (бараки), почему они были холодными (ведь дешевле было бы построить рубленые здания, чем тратиться на перевозку бревен на пилорамы, распиловку их под тес и обратную перевозку этого теса или даже горбыля – как отхода производства), почему они были протекающими (ежели на «временки» было затратно пускать кровельное железо, то уж на любой другой, более дешевый кровельный материал – рубероид или толь вполне можно было бы потратиться), почему рабочим было совершенно негде высушиться и обогреться (ведь можно было установить те же «буржуйки», хотя бы в виде железных бочек с прорубленными в них топками и с трубами для отвода дыма)?

В общем, будущим исследователям быта поселка при «Электропередаче» необходимо основательно поработать в архивах, чтобы извлечь из них подробности проживания в нем не только преуспевающих инженеров, но и рабочего класса. На сайте «Добро пожаловать. Электрогорск» (www.elgorsk.ru), кроме цитирования заметки в «Правде» за 1912 год, приводится и такая информация (без ссылки на цитируемый архивный документ):

Война 1914 года сказалась на текстильной промышленности Богородского уезда и замедлила развитие деятельности общества «Электропередача». Большая часть технического персонала электростанции была мобилизована на фронт. Из состава правления общества устранились германские подданные.

Рабочие и служащие электростанция нуждались в улучшении жилищных условий. В поселке назревало недовольство. Р.Э. Классон и Г.М. Кржижановский предпринимали усилия, пытаясь разрешить ситуацию, добивались от управления Общества средств на строительство нового жилья: «Мы полагаем, что общее недовольство смягчится, если с нашей стороны будут отмечены хотя бы некоторые шаги, идущие навстречу желаниям служащих. Для наиболее ценных работников мы должны улучшить жилищные условия ремонтом и некоторым переустройством занимаемых помещений. Полагаем, что было бы необходимо обратить особое внимание на благоустройство больших квартирных домов, больницы, школы, домов второй и третьей категории, которые в настоящее время перенаселены жильцами».

Квартирные условия, бедность, недостаточное питание существенно отражались на настроении и работоспособности персонала электростанции. В поселке организовалась подпольная большевистская партийная ячейка. В дни февральской революции [1917 года] она легализовалась в первичную организацию РСДРП. Председателем ее был избран Клементий Августинас.

Никакого опровержения от администрации Общества электрического освещения 1886 г., по поводу невыносимых условий существования для строительных рабочих в поселке при «Электропередаче», в «Правде» обнаружить не удалось. В то же время имеются подтверждения того, что эту петербургскую газету все же читали в Москве. Так, 11 декабря 1912 г. в ней было опубликовано письмо рабочих Общества 1886 г., которые поддержали идею создания московской рабочей газеты: «Петербургская «Правда» широкого распространения не может иметь среди московских рабочих, как бы она ни была принципиально выдержанной пролетарской газетой: она не может заменить московскую газету в обслуживании московских нужд, т.к. получается на второй день».

В 1913-м от пристанционного поселка была проложена 4-километровая дорога до 71-й версты Нижегородского шоссе и установлено прямое автомобильное сообщение. До прокладки этой дороги грузы для «Электропередачи» доставлялись на грузовиках на 71-ю версту, а оттуда по узкоколейной железной дороге на строительную площадку станции. Роторы генераторов и другие тяжелые части оборудования были завезены зимой на огромных санях, в которые запрягалось достаточное число троек лошадей. Ротор одного из генераторов не успели доставить по санному пути и перевезли весной 1913-го тоже тройками на тяжелой четырехколесной телеге.

Р.Э. Классон приезжал на станцию от одного до трех раз в неделю. В 1924-м уже госпредприятие «Электропередача» самостоятельно построило железную дорогу нормальной колеи от центрального поселка до станции Павлово-Посад. А с Курского вокзала в советское время стали ходить прямые пригородные поезда до Электрогорска (правда, не очень часто).

По воспоминаниям сына Ивана, после прокладки дороги от 71-й версты Нижегородского шоссе «на «Электропередачу» Классон ездил в автомобиле (что тогда еще мало было принято), никогда в пути не читал, а смотрел и размышлял. Дорогу он знал наизусть во всех деталях, так же как и топографию имени станции. В середине зимы в снегу от лошадей, ступавших след в след, образовывались «лестницы» (автомобильное движение было очень слабое, а гужевое – большое). Тогда приходилось ездить на поезде до Богородска (или Павловского Посада), а оттуда 25 (или 18) км на лошадях. Обычно около 25 марта старого стиля возобновлялось автомобильное движение».

А как утверждал сотрудник Р.Э. Классона В.Д. Кирпичников, «имение Электропередачи никто лучше Роберта Эдуардовича не знает и до сих пор. Он все это имение своими собственными ногами многократно исходил. Когда мы, должно быть году в пятнадцатом, делали рельефный план этого имения, на основании точнейшей нивелировки, то Р.Э. на глаз говорил: «Вот здесь у Вас ошибка, не такой рельеф». Когда мы потом произвели точную нивелировку, то оказалось, что Р.Э. был прав, а землемеры неправы, и им пришлось этот план переделывать. Никто до сих пор на Электропередаче не знает лучше его водного хозяйства, а водное хозяйство на районной станции с торфяными болотами – это один из основных вопросов.» (Памяти Р.Э. Классона. МОГЭС, 1926)

Станция «Электропередача», с момента закладки в июне 1912-го, была построена за одиннадцать месяцев и в мае 1913-го через «болотную» подстанцию напряжением 6/2 киловольт уже питала установленные на болоте торфяные элеваторные машины. Было возведено несколько поселков для торфяников, преимущественно с летними бараками. Такие сжатые сроки строительства станции подтверждает, в частности, А.В. Винтер: *«Электропередача» была начата постройкой в августе 1912 г., и первая машина работала с 1 мая 1913 г.; мощность станции 15 000 квт, срок строительства около 250 рабочих дней* (из речи на чествовании в день своего семидесятилетия в 1948 г. в Отделении технических наук АН СССР, ф. 618 РГАЭ).

А вот как первый практикант Роберта Эдуардовича живописал эту же эпопею в 1935-м: *В 70 км от Москвы, около города Богородска, в глуши озер, болот и лесов покупается участок, и там начинается стройка. Меня Классон в начале мая пригласил туда помощником строителя, но через четыре-пять месяцев мне дело на месте передается целиком. Мы производили работу пионеров. По болоту на руках тащили первые бревна, наскоро прокладывали первую грунтовую дорогу, строили бараки, дома, корчевали болото, на дыбы поднимали окружающие деревни, и к нам в глушь потянулись обозы с тесом, камнем, кирпичом и оборудованием.*

Через два месяца от 100-сильного локомотива зажигаются первые огни и работа закипает. Мы работаем день и ночь, мы работаем всю зиму, ибо через десять месяцев одна машина [на электростанции] должна работать, иначе пропадет весь торфяной сезон года, ибо торфяное хозяйство у Классона должно быть электрифицировано, чего нигде нет на болотах. И к началу апреля будущего [1913-го] года первая машина уже работает и обслуживает нужды торфяного хозяйства.

На стройку к нам с первых же дней приезжают директора и владельцы окружающих фабрик – посмотреть, всерьез ли это, или только «дурачится народ». Все настроены скептически, никто не верит, никто не допускает возможности так концентрированно хозяйничать, справиться с такими массами.

Но осенью станция готова: мы почти по первопутку на санях мчимся в Орехово-Зуево зажечь первые огни от новой станции: вот он свет!

<...> Наступают будни. Одна за другой фабрики Орехова, Павлова, Богородска наперебой присоединяются к новому источнику энергии; в Москву вливается энергия солнца тысяч лет, аккумулированная в электрическую энергию. (Моя счастливая жизнь // Год шестнадцатый. Альманах второй, М., 1933)

Осенью 1913-го электроэнергия по первой в России линии такого высокого напряжения – 30 киловольт поступила в Орехово-Зуево. В 1914-м электроэнергию получили потребители Павловского Посада и Глухова, и станция достигла проектной мощности 15 000 киловатт в трех агрегатах по 5 000 киловатт (еще оставалось место для четвертого турбогенератора). Две повысительные подстанции трансформировали генераторное напряжение 6,6 киловольт: одна – на 70 киловольт для передачи энергии к Измайловской подстанции в Москве, другая – на 30 киловольт для снабжения прилегающего промышленного района и связи с фабричными станциями – Павловской и Глуховской, работавшими на нефти, и Ореховской, работавшей на торфе.

После пуска «Электропередачи» фабричные нефтяные станции законсервировали.

Еще в апреле 1913-го доверенные «Общества 1886 года» развернули кампанию по заключению договоров на электрификацию. Первоначально электричество испрашивали только на освещение. Однако Общество обещало льготы тем кустарям и фабрикантам, которые будут электрифицировать свои моторы.

В конце концов получить свет и силу от «Электропередачи» пожелали крестьяне большинства окрестных поселений, купцы и промышленники Павловского Посада. Губернская земская управа 6 марта 1914 г. была вынуждена выдать свидетельство, разрешающее эксплуатировать станцию и все сооружения для питания села Зуево и Павловского Посада. Село Зуево как раз стало первым абонентом «Электропередачи». На церемонию подписания договора приезжал Р.Э. Классон, разговаривал с крестьянами и обещал им всяческую поддержку.

Приведем условия договора на электрификацию этого села:

Общество крестьян селения Зуево Московской губернии предоставляет «Обществу электрического освещения 1886 года» исключительное право доставки электрической энергии в село Зуево. Общество крестьян разрешает прокладывать кабели и тянуть линии по всем своим землям. Общество крестьян предоставляет «Обществу электрического освещения» безвозмездно участок земли площадью шестьсот квадратных сажен для постройки [понижающей трансформаторной] подстанции сроком по 1965 год.

После 1965 года подстанция поступает в собственность селения Зуева. «Общество электрического освещения 1886 года» за счет Общества освещает улицы села, устанавливает 60 фонарей с лампами по 200 свечей каждая и ведет все ремонты до 1 января 1965 года. (Г.В. Липенский. Московская энергетическая. «Московский рабочий», 1976)

И все это происходило задолго до реализации плана ГОЭЛРО и электрификации села Кашино. Как известно, оно стало знаменитым, когда по приглашению крестьян туда приехал председатель Совнаркома В.И. Ульянов-Ленин. Последний любовался «лампочками Ильича», которые стали зримым свидетельством его «гениального лозунга»: «Коммунизм – это есть Советская власть плюс электрификация всей страны».

Летом 1914-го на «Электропередаче» случилось очередное ЧП:

В Богородском уезде произошел большой пожар на торфяных болотах. Пожар начался на торфяных болотах т-ва В. Морозова с Сыновьями, близ города Богородска. Сильным ветром огонь перебросило на соседнее торфяное болото Общества «Электропередача», на 71-й версте Владимирского шоссе. Пожар охватил громадную площадь. <...> Во владении Общества «Электропередача» охвачена огнем площадь до 4-х квадратных верст. Пожар принял угрожающие размеры в отношении соседних селений.

Вследствие силы огня, быстроты его распространения и густого удушливого дыма некоторое время невозможно было приступить к тушению пожара. Огонь удалось сбить только в ночь на 13-е июля. В тушении участвует до 1 000 рабочих и крестьян из соседних селений. Во владении Общества «Электропередача» пожаром уничтожено 100 штабелей готового торфа в количестве 150 000 пудов, 500 сажен узкоколейной железнодорожной линии, воздушная линия [электропередачи], несколько пожарных машин, много пней и хвороста. Обществом заявлен убыток до 100 000 руб. Тушение пожара во владении т-ва Морозова продолжается («Русские ведомости», 16 июля 1914 г.).

Здесь стоит перейти к весьма важной теме механизации добычи торфа, которая захватит Р.Э. Классона и его коллег не на один год. Вот как вспоминал об этом в 1926-м В.Д. Кирпичников:

Необходимость механизировать торфодобычу во весь рост встала перед Робертом Эдуардовичем после первого торфяного сезона, проведенного на первой районной электрической станции на торфу – «Электропередаче» <...>

Добыча велась так называемым «машинно-формовочным способом», который всецело основывается на тяжелом труде специалистов-торфяников, вырабатывающих себе нужную для этого производства выносливость в течение долгих лет, а иногда и поколений. Наблюдая за этим производством, Р.Э. видел и неоднократно говорил, что таким способом невозможно обеспечить для станции нужное количество топлива, эксплуатация же станции маленького масштаба – дело убыточное.

Что же представлял собой этот «машинно-формовочный способ»? Рабочие-ямщики^{*}, стоя на ступенях откоса торфяного карьера, вырезали лопатами куски торфа и бросали их в желоб скребкового элеватора. Так как в российских торфяных залежах обычно находится много пней, то загрузка элеватора периодически сменялась их корчеванием. Рабочие топорами обрубали корни и вытаскивали пни на край карьера. Иногда всей артели приходилось тащить обтянутый веревкой большой пень.

Торф на скребках элеватора поднимался вверх и сбрасывался в воронку разрезающего волокна и перемешивающего его массу «пресса», из мундштука которого он выходил в виде непрерывного бруса на подкладываемые под него на роликах доски. На этих досках торф рассекали вручную ножами на отдельные кирпичи.

Доски с торфом, весом по 2 пуда, опять же вручную брали с роликов и клали на вагонетки в виде этажерок. Их рабочие-вагонщики отвозили по переносным узкоколейным путям на примыкающие к карьере поля для сушки торфа. Здесь кирпичи расстилали, а опустевшие доски складывали на вагонетки. По мере разработки карьера элеваторная машина передвигалась по своим рельсам, а звенья узкоколейных путей тоже переносили вперед.

Такая работа была крайне тяжелой. Кроме физической силы от торфяника требовалась большая выносливость и тренировка с молодых лет. Эта профессия стала наследственной для крестьян Рязанской, Калужской и Тульской губерний. Рабочий день на элеваторных машинах обычно продолжался 12 часов. На «Электропередаче» ввели 8-часовой рабочий день: две полусмены по 4 часа с 4-часовым перерывом. На каждой машине работали две артели, 16 часов в сутки. При этом выработка каждой артели при 8-часовом дне несколько уменьшилась (против 12-часового). Однако производительность каждой элеваторной машины существенно выросла. До конца 1914-го торфяной сезон продолжался 70-72 дня, во время войны – 50-60 дней, а в 1921-1922 годах – 43-44 дня.

Сушку расстеленных кирпичей ускоряли рядом операций торфушки. Подсохшие с одной стороны кирпичи они переворачивали цапками, а затем, когда они становились более прочными, из них складывали (для улучшения обдувания воздухом) «пятки», «клетки» и, до начала осенних дождей, штабели. Торфушки имели свои, отличные от торфяников, традиции и психологию. Они работали «на урок» и на хозяйских харчах, так как иначе они сэкономили на еде и ослабевали. Часть торфяниц работала круглый год на погрузке кирпичей из штабелей в поезда, которые по узкоколейке подвозили торф на «Электропередачу».

Поля сушки на нетронутом болоте готовили другие рабочие – «канавщики»: они вырубили лес и кустарник, срывали кочки, отдирали и переворачивали мох, рыли карттовые и валовые канавы. Ширина полей сушки зависела от глубины торфяной залежи в карьере.

^{*} Ямщики – с ударением на первом слоге.

В.Д. Кирпичников так продолжил свои воспоминания по поводу «торфяных страданий» Р.Э. Классона и его коллег:

*Подходя к каждому вопросу основательно и с большим размахом, Роберт Эдуардович отправился за границу, в те страны, где торфодобыывание стояло на высоком уровне развития, для того, чтобы изучить и, быть может, перенести на русские болота приемы заграничной техники. Вслед за этой поездкой были выписаны из-за границы машины для проверки их на болотах «Электропередачи»: баггер * Штрэнге, оборудование для датского наливного способа, могучий одноковшовый баггер. Все эти машины, над которыми Р.Э. очень много поработал, не разрешили вопроса. Заимствовать больше было не у кого, оставалось искать совершенно новых, оригинальных путей.*

И вот в 1914 году Р.Э., не убоившись всей сложности задачи и всех будущих трудов, решает начать борьбу с торфом при помощи струи высокого давления. Эта идея означала коренной разрыв со всеми существующими способами, полное изменение самой технологии торфяного производства, которое всякого другого должно было бы испугать и, действительно, очень многих испугало. Ведь в то время еще только намечались перспективы экскавации и переработки жидкой торфяной массы и удобной ее транспортировки по трубам, с другой стороны, стоял целый ряд затруднений, для которых тогда даже не намечалось никаких решений.

Летом 1914 года Р.Э. делает попытку размывать торф струей воды из паровой пожарной машины. Эта слабая струя, вместо размыва торфа, [лишь] окрашивается в коричневый цвет и таким коричневым потоком течет по канаве. На всех присутствующих опыт произвел определенно отрицательное впечатление. Только Р.Э. не был обескуражен этой попыткой и через год, в августе 1915 года, он снова, уже с насосом в 40 л.с., делает опыт размыва залежи торфа.

Причем впервые получается кашеобразная торфяная масса, которой впоследствии было присвоено название «гидромасса». Это был уже определенный успех, созданный, правда, только Р.Э. и его ближайшими сотрудниками. С этой минуты Р.Э. радикально порывает со всеми другими попытками решить вопрос механизации торфодобыывания и целиком, с головой, уходит в гидравлический способ добычи торфа<...>.

В этой работе я имел счастье быть ближайшим помощником Р.Э. в течение десяти с лишком лет, причем наша совместная работа так тесно переплеталась, что отделить ее уже не представлялось возможным, и изобретателями Гидроторфа официально числимся мы оба. Но духовным вождем, который вел за собой всех своих сотрудников, в том числе и меня, и воодушевлял на энергичную и деятельную борьбу с торфом, был Р.Э.

Другой коллега Р.Э. Классона – И.И. Радченко удачно дополнял В.Д. Кирпичникова:

Поэт в области техники, Р.Э. Классон на торфоразработках, обслуживающих созданную станцию, видит гнетущее его обилие ручного примитивного, чрезвычайно тяжелого труда. Наличие такого контраста в производстве не могло не вызвать в нем настойчивых, упорных исканий. Он выписывает из Германии машину Штрэнге, которая механизует экскавацию торфа на немецких беспнистых болотах. Понятно, на наших пнистых болотах она не оправдывает надежд. Выписывает одноковшовый баггер Менка, убеждается в его непригодности для торфа и приспособляет для других целей. Искания, начавшиеся в 1912 году, продолжают.

* Здесь – элеватор для черпания из болота кашеобразной массы (от голл. bagger – грязь, ил).

«Датский способ» разлива торфа на поля сушки, 1915 г.

В июне 1914 г. приехавший на «Электропередачу» гость – датчанин, дилетант в области торфоведения, после осмотра торфоразработки, делится впечатлениями за обеденным столом и рассказывает о том, как в Дании не раз замечали, что вынутый из болота сырой торф, если прибавить к нему воды, сохнет быстрее. Проводив гостя, Р.Э. Классон сейчас же приступает к опытам. Вслед за датчанином на балконе фигурируют ведро торфа и ведро воды. Классон разливает торфяную жижу по балкону! Пущен в ход носовой платок, на который наливается слой торфяной массы и т.д. Далее идут испытания самого разнообразного характера, [они] захватывают, увлекают. Разговор с датчанином не дает ему покоя.

Классон горит, стремится в Данию и в тот же год осуществляет поездку. Там он осматривает торфяные разработки и машины и, вернувшись в Россию, посылает в Данию заказ на комплект торфяных машин. В 1915 г. эти машины устанавливаются на разработках «Электропередачи». Они были очень примитивной конструкции и представляли собою открытые желоба с винтами и мешалками. Торф в вагонетках, наполняемых вручную лопатами, подвозился к этим желобам, в них перемешивался с водой и отвозился на поле стилки, где формовался в рамках.

Конечно, такая обработка торфа с водой, кстати сказать, практиковавшаяся и у нас в России, в некоторых случаях не могла удовлетворить искателя. Новое обстоятельство – и мысли Классона вновь возвращаются к тому же. Иллюстрация в одном из иностранных журналов, изображающая способы разработки на золотых приисках, бредит ищущий мозг. В Калифорнии, в русле бывших рек породу – золотоносный песок – размывают струей воды.

У Классона возникает вопрос, нельзя ли добывать торф путем его размывания. Вопрос поставлен, следовательно его надо решить, а раз так, – у Классона это делается немедленно. В торфяной карьере в тот же день завозится паровая машина и ведется испытание размывки торфяной залежи струей воды.

*Опытная струя гидроторфа давлением 15 ат, август 1915 г.
на переднем плане – И.Р. Классон, на дальнем – Р.Э. Классон (оба в шляпах)*

Первые испытания заметного успеха не дали, вследствие недостаточной силы струи, но мысль Классона с удесятеренной энергией рвалась вперед. Идея экскавации торфяной залежи с помощью водяной струи захватывает его целиком, суля и разрешение вопроса транспортировки торфяной массы по трубам на поля разлива.

Ф.А. Рязанов, студент-практикант в то время, в своих воспоминаниях приводил дополнительные подробности:

Вначале производилось опробование датского наливного способа добычи торфа. <...>Очень скоро Р.Э. Классон решил, что этот способ не даст эффективных результатов, и предложил вести размыв залежи торфа водяной струей. Помню первое опробование струи от насоса давлением 15 атм. Был наскоро сооружен станок для укрепления брандспойта. При этом недостаточно была учтена сила реакции струи, и как только вода попала в брандспойт, он вместе со станком приподнялся, и струя описала большой полукруг. При ярком солнечном освещении это было эффектным зрелищем. Результаты обработки залежи струей оказались положительными – струя резала торф, как нож сыр. (воспоминания Ф.А. Рязанова хранятся в ф. 9592 РГАЭ)

Кстати «горение Р.Э. Классона» передавалось окружающим, даже детям, жившим на «Электропередаче». Из дневниковой записи А.И. Радченко от июля 1915-го:

Видели много интересных сооружений около наливного торфа. Много в этом деле утопии, но все-таки приятно видеть, как у людей мысль работает, что-то ищет, создает, а не стоит, упершись в одно место.

Няка* тоже очень заинтересовался этим делом, хочет ему помочь в затруднениях, которые испытываются. «Изобрел» какое-то механическое приспособление к ваго-неткам, сделал соответствующий чертеж. Предвкушает удивление директора [Клас-сона], когда узнает, что маленький мальчик придумал то, что они не могли.

Продолжение записи на следующий день:

Должно быть под вчерашним впечатлением сын сегодня опять строит и творит вовсю. Из ящиков, столиков, скамеек и досок соорудил великолепную торфяную машину с прессом, элеватором и пр., тут же кабели на рогатках и все честь честью, как он выражается. Потом приставил мальчишек к работе, и они усердно бросали в элеватор торф-песок, резали, формовали его, возили, раскладывали для сушки. При этом разда-вались свистки, гудки, пение – полная иллюзия торфяной работы.

А вот забавный сюжет общения «двух джентльменов» – Алеши Радченко и Р.Э. Классо-на (из дневниковой записи А.И. Радченко от ноября того же года):

Мальчишка стал хорошо кататься на лыжах. Не очень еще быстро, но чрезвычайно правильно и красиво. Стал одевать для этого осеннюю кофточку, т.к. в полушубке ему жарко, несмотря на пять градусов мороза. Недавно сам Классон залюбовался им, оста-новился в пути. Няка чрезвычайно галантно размахивал шапкой, здороваясь, – Классон ответил ему тем же. Совсем встреча двоих деловых людей-европейцев на вакациях.

В.Д. Кирпичников удивительно метко, методически, обобщил изобретательство:

Часто говорят, что Гидроторф есть изобретение. Если это верно юридически, формально, то по существу это не есть изобретение. Это есть решение при помощи техники и инженерного искусства заранее поставленной задачи. В этой работе слу-чайность играла роль только в смысле замедления или ускорения темпа, а изобре-тательность была лишь средством. Такой подход к прокладыванию путей в технике чрезвычайно выгодно отличает Р.Э. от обычных изобретателей.

Под конец своих воспоминаний В.Д. Кирпичников «вкратце» рассказал об этапах раз-вития Гидроторфа, после размыва торфа водой под большим давлением, мы их опустим, приведя лишь следующие сюжеты:

Своевременно [надо] указать, что первое воплощение идеи Гидроторфа в машины совпало со временем хозяйственной разрухи, когда машиностроительные заводы поч-ти бездействовали, а после громадных растрат металла, во время империалистиче-ской войны, железа нельзя было достать. Здесь с особенной рельефностью разверну-лась энергия Р.Э. Он воодушевлял своих ближайших помощников и рабочих на постройку своими силами, кустарным путем таких машин, которые были не под силу машино-строительным заводам. Он не останавливался перед отсутствием железа, настаивал хотя бы на постройке деревянных кранов, лишь бы не останавливалась творческая ра-бота. И эти деревянные конструкции, в конце концов, создали тот Гидроторф, кото-рый позднее одним из бывших его противников, М.В. Морозовым, назван был «сталь-ной симфонией».

Во время каждого торфяного сезона Р.Э. сидел на болоте с раннего утра до позднего вечера не менее двух-трех дней каждую неделю. Он лично руководил всем персоналом, делал всевозможные опыты, неумолимо наблюдал все происходящие процессы и рабо-ту машин и затем вносил в них улучшения.

* Уже пятилетний (!) сын Радченко Алексей.

*На болотах «Электропередачи», август 1915 г, слева направо:
В.Д. Кирпичников, Э.Р. Ульман, А.В. Винтер, И.И. Радченко,
Г.М. Кржижановский, В.В. Старков, Р.Э. Классон*

<...> Когда решение первой задачи Гидроторфа – механизации экскавации, переработки и транспортировки уже окончательно намечилось, и добыча торфа гидравлическим способом начала промышленно применяться, Р.Э. задал себе и своим ближайшим сотрудникам новую задачу – освободиться от сезонности торфяного производства и зависимости от климатических условий и создать непрерывное заводское торфяное производство в течение круглого года.

<...> Для решения этой задачи искусственного обезвоживания торфа в 1920 году он привлек лучшего специалиста в коллоидной химии профессора Г.Л. Стадникова, увлек его этой идеей. В результате пятилетней работы создан завод по искусственному обезвоживанию торфа, который через полтора часа после экскавации торфа выпускает сухие брикеты и сухой торфяной порошок, горящий с таким же хорошим коэффициентом полезного действия, как и нефть. Оста[ва]лось, перестроивши этот первый опытный завод, [лишь] подтвердить уже выявленную теоретическими подсчетами рентабельность искусственного обезвоживания гидроторфа, когда преждевременная кончина унесла Р.Э. в могилу и взвалила эту тяжелую задачу на его сотрудников.

Ради исторической правды стоит отметить, что сотрудники «тяжелую задачу» не выполнили, несмотря на все красивые слова, сказанные почти над могилой Р.Э. Классона. После его смерти работы на заводе искусственного обезвоживания продолжались, по-видимому по инерции, еще год. Начатое в 1926-м переоборудование предприятия предполагалось закончить в 1928-м.

Однако, несмотря на возражения ряда ведущих работников Гидроторфа, по инициативе руководителя торфяной промышленности РСФСР, зам председателя ВСНХ И.И. Радченко и того же В.Д. Кирпичникова завод демонтировали, а его оборудование перевезли на Торфяную опытную станцию в Редкине Московской обл. В.Д. Кирпичников даже опубликовал по этому поводу ученую статью в журнале «Торфяное дело». Однако в Редкине завод стал, понятное дело, не промышленной установкой, а всего лишь исследовательской.

Приведем теперь более живые воспоминания Ф.А. Рязанова:

Во время [лево]эсеровского мятежа [в июле 1918 г.] Р.Э. Классон находился на «Электропередаче». Через несколько дней Кирпичников командировал туда меня, очевидно, чтобы информировать Классона о происходящих событиях. <...> В Павлове-Посаде я остановился в конторе «Электропередачи», и там пришлось переночевать, так как никакого попутчика не было, а заказывать лошадей только для себя я не рискнул. Это стоило тогда 200 руб. На следующий день я спросил заведующего конторой, нет ли у него велосипеда. Получив велосипед, я через два часа был у Классона. Когда он узнал, что я не решаюсь затратить 200 руб. на лошадей, [чтобы проехать 20 км,] назвал меня «великим экономистом».

<...> В течение летних торфяных сезонов 1918 и 1919 годов я работал на опытных установках гидроторфа на болотах при станции «Электропередача». Некоторое время я жил там в доме Р.Э. Классона. Утром часто завтракал вдвоем с Робертом Эдуардовичем, так как его дети вставали позднее. Помню, как однажды он сказал, что с интересом прочитал взятую у сына книгу Дюма «Три мушкетера». При этом он выразил сожаление, что в юные годы у него не было времени на чтение подобных книг – слишком много занимался техникой и общим образованием.

<...> После возвращения в конце лета 1919 г. из-за границы, куда он ездил лечиться, он был недоволен какими-то действиями В.Д. Кирпичникова, который возглавлял Гидроторф в его отсутствие. При возвращении на «Электропередачу» он сказал мне: «Очень трудно находить способных и толковых работников. Вот я из пятидесяти студентов, которые проходили практику в Баку, смог выбрать только двоих, которым и предложил работу – это А.В. Винтер и В.Д. Кирпичников. А вот последний без меня оказался не на высоте».

Про Кирпичникова так было сказано под влиянием минутного раздражения. На самом деле Кирпичников был очень способным инженером с изобретательской жилкой и, конечно, за это Роберт Эдуардович его очень ценил, хотя хорошо знал некоторые его недостатки.

Недостатки В.Д. Кирпичникова, как «командира производства», мы здесь раскапывать не будем. Предположим лишь, что в отсутствие Р.Э. Классона у него, как его заместителя, мог возникнуть служебный конфликт с торфяниками (но не по его вине), который перерос в забастовку и был «улажен» лишь с привлечением представителя от ВЧК. К этому сюжету мы еще вернемся.

Как же встретили будущие изобретатели гидравлического способа добычи торфа октябрьский переворот, и как к их изобретению отнеслись большевики? Как следует из документов, изобретатели возились над очередной, усовершенствованной моделью торфососа, который позволил в итоге полностью механизировать добычу торфа. Что касается отношения большевиков к их изобретению, то советская историография преподносила его исключительно в виде «отеческой заботы» председателя Совнаркома В.И. Ульянова-Ленина по развитию Гидроторфа. Однако это далеко не вся правда, которую мы и попытаемся отобразить более полно и наглядно с помощью документов и фактов.

Для начала приведем отрывок из написанной изобретателями главы «История организации Гидроторфа» в книгу, которая вышла в 1923-м (здесь и далее цитаты берутся из документов, находящихся в ф. 758 РГАЭ):

Первый период работы изобретателей Гидроторфа – с 1915 по 1917 годы включительно – относится еще к дореволюционному времени, когда работы по решению задачи механизации торфодобычания ассигновывались средствами бывшими Акционерными Обществами «Электропередача» и «О-во Электрического Освещения 1886 года». В эти первые годы никакой особой организации для руководства опытами не было, они протекали при станции Электропередача и выделялись из других работ Электропередачи только персонально. Во главе этой работы стояли директор-распорядитель станции Электропередача Р.Э. Классон и инженер В.Д. Кирпичников.

Непосредственно после октябрьской революции Гидроторф переживал очень тяжелое время, так как новое финансирование его работ наладить удалось далеко не сразу. Лишь по окончании торфяного сезона 1918 года, который прошел под знаком полного отсутствия средств, Главным Торфяным Комитетом выдана была небольшая часть ассигнованных еще в марте Гидроторфу средств. Этот переходный период закончился в конце 1918 года, когда организована была при Главном Торфяном Комитете Комиссия по добыче торфа гидравлическим способом.

Руководителями этих работ были оставлены изобретатели Гидроторфа, инженеры Р.Э. Классон и В.Д. Кирпичников. Кроме того, в этой Комиссии состояли И.И. Радченко и Е.С. Меншиков, которые непосредственного участия в работах Гидроторфа не принимали и созывались председателем комиссии только для решения важных и принципиальных вопросов.

В течение этого периода Гидроторф был чрезвычайно ограничен как в средствах, так и в масштабах работ, так как Главный Торфяной Комитет требовал сокращения работ до чрезвычайно малого масштаба, достаточного только для решения вопроса, возможно ли добывать торф гидравлическим способом и для определения различных коэффициентов. В то же время непосредственные руководители Гидроторфа, для которых этот вопрос уже давно был решен, настаивали на развертывании работ в таком промышленном масштабе, который позволил бы дать полную оценку нового способа торфодобычания с технической и экономической стороны.

А вот как весьма скептически оценивала Гидроторф бюрократическая надстройка над изобретателями – Главторф (из официального доклада последнего в ВСНХ в ноябре 1920-го):

В настоящее время Главторф считает, что гидравлический способ торфодобычания требует еще значительного количества рабочих рук, в особенности для подготовки болот и сушки торфа. По сравнению с обычным способом количество рабочих дней на 1 000 пудов для гидравлического торфа не составляет существенной разницы. Требуется улучшение техники формования, установление твердых цифр хозяйственного плана. <...> В течение трех лет работы производились непосредственно изобретателями, так как Главторф не считал возможным взять все ведение дела в свои руки, не желая стеснять инициативы изобретателей, вносящих каждый год различные изменения и усовершенствования их способа, не имеющего еще твердо установленной и законченной формы.

Итак, развернем эту историю, до конца октября 1920-го (когда Гидроторф благодаря «отеческой заботе» В.И. Ульянова-Ленина стал делом «государственной важности»), более подробно. С отражением, где это возможно, перманентной дискуссии между Главторфом (Цуторфом) и изобретателями: больше или нет производительность труда на гидроторфе, лучше или нет его качество. В марте 1918-го состоялся первый документированный контакт Р.Э. Классона и В.Д. Кирпичникова со товарищи с новой властью.

Из письма Господину Комиссару по национальным электрическим станциям И.Э. Гурковскому:

Ввиду того, что массовая добыча торфа в Российской республике вследствие многолетнего топливного голода и возможной потери угольного района получает ныне первостепенное государственное значение, группа инженеров, нижеподписавшихся, работающих на этом производстве, обращается к Вам с просьбой исходатайствовать в Высшем Совете Народного Хозяйства, согласно прилагаемой сметы, на торфяную кампанию 1918 года 500 000 рублей.

<...> Вышеуказанные средства необходимо получить ныне же, ввиду того, что до начала сезона осталось всего ½ месяца и так как необходимо немедленно произвести ряд подготовительных работ, закупить провиант для рабочего персонала и произвести платежи по некоторым заказам. Ответственной по производству этих опытов является нижеподписавшаяся группа инженеров, объединившихся в Полное Товарищество под названием «Гидравлический Торф».

Из следующего письма «группы инженеров» становится понятно, что Господин Комиссар по национальным электрическим станциям соизволил принять и выслушать инициативную группу:

В совещании 18 марта с.г. Вам угодно было разрешить группе лиц, нижеподписавшихся, воспользоваться инвентарем Общества 1886 года и Общества «Электропередача» для производства опытов массовой добычи торфа гидравлическим способом в имени Общества «Электропередача» в сезон 1918 года. Вместе с тем Вы любезно согласились принять на себя хлопоты по изысканию средств для этих опытов, имеющих государственное значение.

<...> Весь добытый гидравлическим способом торф поступает в распоряжение Общества «Электропередача» по себестоимости машинно-формовочного торфа в 1918 г. этого Общества, уменьшенной на 10 коп./пуд за предоставление услуг. <...> В случае, если бы оказался после покрытия расходов и выше указанных отчислений [10 коп./пуд Об-ву «Электропередача» и тоже за услуги – 5 коп./пуд Об-ву Эл. Освещения 1886 г.] остаток в виде экономии производства, то таковой поступает на покрытие выданной субсидии.

Здесь мы приведем встык полярные отношения к Гидроторфу проницательного персонажа (здесь – старого знакомого Р.Э. Классона инженера-технолога Бориса Николаевича Смирнова, сына знаменитого в царское время строителя) и появившегося в апреле 1918-го Главторфа во главе с прежним подчиненным Роберта Эдуардовича, большевиком И.И. Радченко (сей персонаж далее текущей торфяной кампании заглянуть, похоже, способен не был).

Из заключения, направленного комиссару Финансов Совнаркома в мае 1918-го, эксперта Комиссии смет при Комитете хозяйственной политики Б.Н. Смирнова:

Необходимо отпустить <...> кредит в 500 000 руб. Т-ву «Гидравлический Торф» на производство в промышленном масштабе опытных работ по гидравлическому способу добычи торфа, в масштабе 1-2 миллионов пудов воздушно-сухого торфа. Имена изобретателей-инженеров Р.Э. Классона и В.Д. Кирпичникова – дают уверенность в том, что предполагаемые опыты будут поставлены технически правильно и солидно.

Из доклада инженера Кирпичникова, а также из «Описания гидравлического способа добычи торфа», составленного изобретателями, видно, что этот способ сулит огромные преимущества, как в смысле увеличения и упрощения добывания торфа, так и в смысле его удешевления. <...> Во избежание задержки в начале торфяной кампании половина указанного кредита должна быть открыта немедленно, а остальная часть в сроки, указанные в представленном Товариществом «Календаре Платежей».

А вот скептическое заключение Главторфа:

По мнению Главного Торфяного Комитета самый принцип и метод работ гидравлическим способом спорный <...>. С другой стороны, Главный Торфяной Комитет признает безусловно необходимым постановку всевозможных опытов, в том числе и гидравлического способа, в промышленном масштабе для улучшения и большей механизации торфяных работ, в развитии которых самым насущным образом заинтересована вся промышленность Центрального района.

<...> Ввиду наступившего сезона торфяных работ и невозможности терять ни одного дня, Главный Торфяной Комитет полагает возможным отпустить в счет будущих ассигнований и на покрытие эксплуатационных расходов по указанным опытным работам 100 000 рублей.

Средства, и так срезанные Главторфом, выделялись с весьма большими опозданиями. Из тревожного письма Р.Э. Классона в Главторф в июле 1918-го:

10 июля с/г на станции «Электропередача» на работах гидравлического торфа произошла забастовка, длившаяся полдня. Забастовка вызвана недовольством рабочих распределением продовольствия. Забастовка прекратилась, но рабочие желали бы иметь по этому поводу определенное решение Главного Торфяного Комитета.

<...> Что касается денежного вопроса, то, как известно, Главному Торфяному Комитету, никаких денег на производство работ по гидравлическому торфу станцией бывш. О-ва 1886 г. не было получено, а так как доходы станции б. О-ва 1886 г. в последнее время резко падают, то мы не имеем возможности расширить производство, несмотря на то, что в последнее время техническая часть совершенно налажена, и мы могли бы работать в две и даже в три смены и добыть в течение июля месяца несколько сот тысяч пудов торфа. Сейчас мы не можем нанять вторую смену, так как не уплатили 30 000 рублей рабочим за последние две недели. Сегодня платежный день, и мы платить не можем, так как у нас нет денег.*

18 мая с/г Главный Торфяной Комитет признал необходимым ассигновать 100 000 рублей на производство опытов. В данный момент речь не идет о производстве опытов, которые более или менее закончены, а о самом производстве торфа, которое может быть придется остановить за недостатком средств, и поэтому получение этих 100 000 рублей является в высшей степени срочным, так как при их помощи будет добыто несколько сот тысяч пудов торфа.

Аналогичное письмо Роберт Эдуардович направил и в Заводский Комитет ГЭС**, бывшей «Электропередача»:

Сегодня после обеда на работах по гидравлическому торфу возникла забастовка на продовольственной почве [плюс рабочие две недели не получали жалованья], и я прошу Заводский комитет принять участие в ликвидации этой забастовки по следующим соображениям:

1. Забастовка в торфодобывании в этом году совершенно недопустима с точки зрения широких государственных интересов и, в частности, в интересах населения г. Москвы.

* Только что получили займы от О-ва «Электропередача» 30 000 р. – Приписка Р.Э. Классона.

** Очередная советская аббревиатура: «государственная электрическая станция».

2. Первоначальный повод к возникновению забастовки лежит, по моему мнению, в несправедливых распоряжениях продовольственного комитета станции и, следовательно, на него падает часть вины в возникновении этой забастовки, поэтому теперь заводский и продовольственный комитеты морально обязаны нести за нее ответственность и участвовать в скорейшей ликвидации забастовки.

Вина продовольственного комитета, по моему убеждению, заключается в том, что он упорно отказывал в увеличении пайков тех рабочих гидравлического торфа, которые непосредственно работают при процессе добывания торфа. Таких рабочих всего по шесть человек на каждый торфосос, а именно: 2 – на брансбойтах, 4 – на вытаскивании пней из карьера. Эти шесть человек в этом году, пока еще не готовы механические приспособления для облегчения их труда, исполняют действительно тяжелую физическую работу, аналогичную работе на обычных торфяных машинах, а между тем они получали малый паек. Сейчас в работе 3-4 торфососа, следовательно, речь идет о 20-25 человеках, что при 2 500 торфяниках составляет лишь один процент.

В данный момент рабочие гидравлического торфа предъявляют несправедливые и неосуществимые требования об уравнивании всех их в пайке с торфяниками*, и на это, конечно, согласиться нельзя. Но они были правы долгое время, предъявляя справедливые требования, и теперь их трудно убедить в их неправоте, благодаря первоначально сделанной ошибке. Мое предложение сводится к следующему – обещать упомянутым двум категориям уравнивание пайка с торфяниками, всех же остальных рабочих гидравлического торфа поставить в продовольственном отношении в условия, в каких находятся рабочие «Электропередачи».

Кто с этим не согласен – пусть уходит и освобождает место для безработных, которых сейчас в Москве десятки тысяч. Останавливать же производство торфа ни в каком случае нельзя.

И получил малограмотный и столь же маловразумительный ответ от председателя завкома (члена партии?):

На Ваше письмо от 10-го июля с/г. Заводский Комитет Рабочих и Служащих настоящим уведомляет Вас

1) Указывается Вами точка зрения понимания государственных интересов о недопустимости нарушения работы по торфодобыванию ее прекращением учитывается как важнейшая задача перед Заводским Комитетом «Электропередачи».

2) Возлагаемая Вами часть вины на Заводский Комитет за забастовку, в корне отвергается и за такую Заводский Комитет морально не страдает, мотивируя настоящее как за отсутствием всякого понимания какая происходит добыча торфа по сие время делая о таковой может быть и грубый вывод как на совершенный недопустимый эксперимент; в настоящее время даваемые Вами разграничения работ, ставят Заводский Комитет в неопределенное положение вещей аналогично этому, но только совершенно не совместимо с Вашим разграничением.

Нами было получено указания рода работ от Вашего же ответственного техника Ефимова, каковы и приняты к руководству Продовольственным Комитетом, а Ваше последнее указание подвести некоторых под рубрику торфяников не могут ликвидировать возникшего конфликта без избранной на то Комиссии и может быть потребуются с представительством от Главного Торфяного Комитета.

* Этот, «большой» паек составлял, в т.ч., 1,5 фунта (0,7 кг) муки в день на работника.

Заводский Комитет «Электропередачи» беря на себя задачу ликвидировать забастовку, требует от вас точного изложения хода работы Вами руководимой и ее значение как в настоящем, а также в будущем, в письменном изложении с проставлением цифровых данных и с указанием отношения к этому Высшего Совета Народного Хозяйства в срочном порядке.

Пришлось Р.Э. Классону тратить свое драгоценное время на популярное объяснение местным большевикам важности механизации торфодобычи:

<...> В настоящее время я с полной уверенностью могу сказать, что гидравлическая добыча торфа разрешила задачу [ее механизации] и что при достаточно широкой постановке дела в «Электропередаче» можно получить этим способом по крайней мере вдвое большее количество торфа, чем ныне добывается, и что вообще этот способ для Центральной и Северной части России даст возможность получить огромное количество торфа.

В свое время я и В.Д. Кирпичников, с которым я совместно работаю, обратились в Высший Совет Народного Хозяйства с указанием необходимости ассигновать крупную сумму денег на широкую постановку торфодобычания по гидравлическому способу, и 22-го марта с/г. Электротехнический Отдел известил нас, что им ассигновано 500 000 рублей на производство опытов на станции «Электропередача».

К сожалению, благодаря передаче этого дела из одной инстанции в другую, до сих пор денег получить не удалось, и все расходы по настоящее время производятся станцией бывш. О-ва 1886 г. с согласия Комиссара Финансов Гуковского и комиссара Станции Смидовича.*

За отсутствием свободных средств у станции б. О-ва 1886 г. широкая постановка работ оказалась невозможной, и пришлось работать в малом масштабе и оплачивать по мере возможности трубы и машины, которые нужны для производства. Этим недостатком денег объясняется то, что производство до сих пор поставлено недостаточно широко и добыча ведется пока в скромном масштабе за отсутствием труб, которые постепенно изготавливаются.

Тем не менее уже сейчас Заводский Комитет может убедиться в том, что торфосос новой модели вырабатывает при одной смене свыше 40 кубических сажень сырца, работая всего 3-4 часа в день. 40 куб. саж. сырца – это больше чем вырабатывает обычная машина, обслуживаемая 32 человеками, в то время как торфосос обслуживается лишь 5-6 чернорабочими, из которых двое мальчиков.

Таким образом, каждым человеком уже теперь добывается в несколько раз больше торфа, чем при машинно-формовочном способе. По мере того, как машина будет совершенствоваться и увеличиваться интенсивность труда, дневная производительность торфососов будет возрастать, и уже в настоящее время необходимо было бы поставить две смены, тем более что часть торфяников уходит, и количество добытого торфа в этом году оказалось недостаточным для непрерывной, полной работы станции в предстоящем сезоне.

* Из письма Управления Главторфа от 7 августа 1918 г. следует, что лишь 13 июля он перечислил первые 50 тыс. руб. и только в августе – вторые 50 тыс. А Р.Э. Классон и В.Д. Кирпичников, напомним, просили власти в начале года, до начала торфяного сезона и до появления Главторфа, выделить кредит в 500 000 руб. Кстати, Дмитрий Волкогонов в своей книге «Ленин» привел поразительный факт: буквально за два месяца до военного краха Германии в ноябре 1918 года председатель Совнаркома согласился на отправку в Берлин 93 тонн царского золота (в рамках выплаты контрибуции, по позорному Брестскому миру). Вот бы хотя бы часть этих огромных средств пустить на добычу торфа по старому и новому способам!

Для того чтобы гидравлическим способом добыть много топлива, необходимо устранить два препятствия – недостаток денег и неравномерное распределения пайка, благодаря которому рабочие, добывающие торф гидравлическим способом, получают меньше хлеба, чем рабочие, добывающие этот же торф машинно-формовочным способом, хотя, как я выше указывал, производительность каждого рабочего при гидравлическом способе гораздо выше.

Мы предполагаем вырабатывать гидравлический торф до начала августа ст./ст., а затем продолжать производство и заготавливать жидкий торф в глубоких ямах для будущего года, так как опыт показал, что торф, налитый в глубокий карьер и не перемерзший, весной может быть разлит еще до начала торфяного сезона, и, таким образом, полезная работа всего оборудования вместо двух месяцев, как раньше, увеличивается до пяти и более месяцев.

При правильной постановке дела в будущем году каждый торфосос будет вырабатывать свыше полумиллиона пудов в сезон, и таким образом, даже при постановке небольшого числа торфососов, но вполне рационально оборудованных, в будущем году станция «Электропередача» может быть обеспечена таким количеством топлива, которого хватит на весь год при полной работе, и в этом случае станция будет работать без дефицита, к чему должны стремиться не только администрация станции, но и Заводский Комитет.

В августе 1918-го, в письме руководителей Гидроторфа в Главторф развенчивалась ретроградская позиция последнего насчет опасности более масштабного финансирования «рискованной затеи»:

К сожалению, как первые 50 000 рублей, так и в особенности вторые, получены слишком поздно, в конце торфяного сезона.

Если бы все [требуемые] 300 000 рублей были ассигнованы вовремя, то есть до начала торфяной кампании, мы подготовили бы соответственное количество суходолов [под сушку торфа] и изготовили бы нужное количество труб, и тогда, при наличности нашего оборудования, мы легко могли бы получить в этом году свыше миллиона пудов торфа, так как торфосос новой модели, которых у нас три, дает в каждый час своей работы от 1 000 до 1 100 пудов воздушно-сухого торфа.

Другими словами, достаточно было бы всем торфососам в сумме проработать тысячу часов в сезон, чтобы получить миллион пудов торфа, продажа которого станции «Электропередача» с избытком покрыла бы отпущенную ссуду.

В настоящее время мы могли бы изготовить очень много торфу, но, как Вам известно, этот торф не высохнет за окончанием торфяного сезона. Мы тем не менее будем продолжать работы, так как в прошлом году выяснилось, что торф, разработанный гидравлическим способом даже в первых числах октября и залитый в глубокий карьер, благополучно перенес зиму и весной, будучи разлит на суходолах, дал очень хороший, твердый и прочный торф. Другими словами, мы в течение осени заготовим полупродукт, который до начала будущего официального торфяного сезона будет нами разлит и будет готов уже в мае будущего года н/ст.

Конечно, мы не можем реализовать этот полупродукт, продав его станции «Электропередача» до 1 ноября этого года, и потому производство этого ценного полупродукта так же не может быть поставлено на достаточно широких основаниях.

В сентябре 1918-го Р.Э. Классон вынужден был обратиться к своему старому знакомому Л.Б. Красину, который в это время возглавлял Чрезвычайную Комиссию по производству предметов военного снаряжения, в связи с «политическим ЧП»:

Милостивый Государь, Леонид Борисович.

Настоящим доводим до Вашего сведения, что в работах по изготовлению гидравлического торфа на государственной электрической станции «Электропередача», а также в лабораторных работах по подготовке способов зимней сушки торфа произошел крайне нежелательный перерыв вследствие того, что Чрезвычайная Комиссия г. Богородска арестовала руководителя работ по гидравлическому торфу Павла Николаевича Ефимова, затем старшего десятника Якова Гавриловича Матвеева и старшего рабочего (табельщика) Василия Петровича Файкова.

Эти три лица составляют непосредственный административный аппарат, оставшийся на осень на торфяных работах.

Насколько удалось выяснить, причины ареста заключаются в том, что в числе лиц, уволенных при окончании летней торфяной кампании, оказались лица, принадлежащие к коммунистической партии, которые были уволены наравне с остальным персоналом, главным образом вследствие обострившегося недостатка продовольствия. Арест произошел в воскресенье 15 сентября, и рабочий персонал, работающий по гидравлическому торфу, остался без руководителя и предоставлен самому себе, так как едва ли кто-либо согласится взять на себя административную должность при создавшихся условиях.

<...> Мы покорнейше просим Вас принять все меры к выяснению обстоятельств этого дела и указать, каким образом поступать в будущем, чтобы избежать подобного рода репрессий.

По-видимому, Л.Б. Красин позвонил своим старым-новым соратникам и смог-таки уладить инцидент на «Электропередаче». По крайней мере, П.Н. Ефимов продолжил вскоре свою инженерно-административную деятельность.

В августе 1919-го уже Главторфу пришлось хлопотать перед Петроградской ЧК: «По полученным нами сведениям Вами арестован в Петрограде в начале августа наш агент Борис Павлович Ильин, которому поручено нами срочно чрезвычайно важное дело по приемке и отправке на торфяные болота Государственной Электрической Станции «Электропередача» частей кранов, изготовленных заводом Транспортных сооружений Фаянс».

Тем не менее развитие гидравлической добычи постоянно тормозилось не только из-за дефицита денежных средств и «контрреволюционной» деятельности (хватать любого по малейшему подозрению) ВЧК.

Вот несколько примеров попыток изобретателей развернуть свою инновационную деятельность в антиинновационной, командно-бюрократической системе большевиков.

Оказывается, еще осенью 1918-го изобретатели подступились к механизации формовки кирпичей на полях сушки. Из ноябрьского письма В.Д. Кирпичникова в Главторф:

Для работ по добыче двух миллионов пудов торфа по гидравлическому способу в предстоящем сезоне 1919 г. нам необходимо изготовить две формовочные машины, которые будут резать разлитый торф и формовать его в правильные пирамиды [срезанной вершиной]. В течение осени 1918 г. нами произведен ряд опытов, и теперь конструкция такой машины совершенно определена. Торфяные кирпичи получаются совершенно правильной формы, с них стекают всякие дожди и они представляют большую поверхность для [естественного] высушивания.

Для постройки этих формовочных машин нам нужно получить два грузовых автомобиля без кузовов и без задних колес, вместо которых будут насажены формующие цилиндры. Такие автомобили имеются на заводе «АМО» в разобранном виде, но для получения их с завода требуется специальное разрешение. Мы просим Главный Торфяной Комитет оказать поддержку нашему ходатайству к получению в ближайшем будущем двух таких шасси от грузовых автомобилей с моторами от 30 до 50 л.с. Все же необходимое переустройство по приспособлению этих автомобилей под формовочные машины будет произведено нами.

В январе 1919-го изобретатели обратились в Транспортный Отдел Московского Совета Рабочих, Красноармейских и Крестьянских Депутатов:

Настоящим просим Вас предоставить в наше распоряжение грузовик для перевозки двух 3-тонных грузовиков с Военных Автомобильных мастерских, помещающихся за Преображенской заставой, в наш гараж (Садовники, 14).

При этом считаем нужным указать, что эти грузовые автомобили нам необходимы для переделки их в машины для формования торфа и что своевременная доставка даст возможность в будущем сезоне увеличить добычу торфа на болотах Государственной Районной станции «Электропередача», что имеет при существующем кризисе топлива большое государственное значение.

По-видимому, достать грузовики в «АМО» не удалось, зато удалось получить их в Военных Автомобильных мастерских.

В феврале 1919-го В.Д. Кирпичников, уже как член Комиссии по добыче торфа гидравлическим способом (созданной при Главторфе в январе), обратился к Уполномоченному по вывозу материалов из Москвы:

Просим разрешить отправку 100 пуд. кабеля, предназначенного для работ по выработке торфа гидравлическим способом на болоте Государственной Электрической Станции «Электропередача» из Москвы со склада Московской Государственной Электрической Станции (Садовники, 11) на станцию «Захарьино» Нижегородской ж.д. на имя Комиссии по добыче торфа гидравлическим способом. Находился в запасе склада станции с 1916 г.

То есть на отправку своих же материалов за пределы столицы требовалось получить разрешение у властей!

А вот фрагмент письма представителя завода инж. Бари в Главторф в том же феврале 1919-го:

Вашими агентами и агентами Московской Государственной Электрической станции Освещения обращено внимание нашего заводууправления на медленность производства работ по изготовлению заказанных Вами 3 850 метров труб диам. 440 мм.

В свое время, при принятии заказа, мы обращали Ваше внимание на обстоятельство, что достичь мало-мальски успешного производства работ можно только путем улучшения питания рабочих и просили Вас, если возможно, принять какие-либо меры в этом направлении, но так как до сих пор мы не имеем по этому поводу Ваших сообщений, а своими силами, путем открытия столовой для рабочих, которая очень скудно снабжается продуктами, мы достигли очень малого, мы не можем ничего больше сделать». А следом пришло такое сообщение: «В связи с прекращением подачи электрической энергии нашему заводу – Ваши заказы на 1071 шт. труб железных диам. 440 мм и другие две трубы диам. 500 и 510 мм – изготовлением приостановлены.

Пришлось В.Д. Кирпичникову хлопотать перед Чрезвычайной Комиссией по электро-снабжению Москвы:

Настоящим ходатайствуем о предоставлении возможности пользования электрической энергией следующим заводам, выполняющим оборудование для добычи в сезоне 1919 года торфа гидравлическим способом на болотах Районной Станции «Электропередача». 1) Заводу Бари, изготовляющему 3850 метров железных клепаных труб для транспортирования торфяной массы по заказу от 4-го декабря 1918 года за №638, копию которого прилагаем. 2) Заводу И. Мохов и С. Фалькевич, изготовляющему сварные трубы к центробежным насосам по заказу №28 от 18-го декабря 1918 года, копию которого прилагаем.

А также – за Московский завод подъемных сооружений, который прислал такое письмо:

Ввиду необходимости производства, для заказанных Вами 4-х электрических кранов для торфососов, кузнечных работ просим выдать нам удостоверение на получение в Горсовнархозтопе около 200 пудов угля.

В отсутствие Р.Э. Классона в России в мае 1919-го на «Электропередаче» забастовали торфяники, которые находились в составе трудовой армии (входившей в Главторф?). И.И. Радченко вспоминал об этом эксцессе так:

Когда на богородской «Электропередаче» забастовали, требуя повышения расценок, малосознательные в то время торфяники, вопрос рассматривался в СНК. По предложению Владимира Ильича на СНК 27 мая было вынесено постановление:

Совет народных комиссаров в заседании от 27 мая с.г. постановил:

а) Послать на болота «Электропередачи» завтра утром через т. Дзержинского одного представителя от ВЧК комиссаром и при нем тт. Радченко и Лутовинова в качестве экспертов.

б) На посылаемого комиссара возложить задачу, в случае необходимости милитаризовать рабочих по разработке и добыче производства работ на условиях, установленных Всероссийским советом профессиональных союзов. Комиссару предоставить право назначать себе, в случае надобности, помощников в смежных пунктах.

Постановление это было вынесено в 11 часов ночи. Мы с Лутовиновым, по предложению Владимира Ильича, сейчас же отправились к Дзержинскому. Представителем от ВЧК был назначен т. А.В. Эйдук. Рано утром втроем мы выехали на «Электропередачу» и уладили конфликт. (сборник «Ленин на хозяйственном фронте», 1934)

Оставим будущим исследователям сложных отношений между «трудом и Советами» разбираться, как был «с участием чекистов улажен конфликт» и какую роль при большевиках вообще играли профсоюзы (теоретически – защитники прав трудящихся).

Как записал И.Р. Классон, который в июне 1919-го устроился на разработки гидроторфа (месяц работал мотористом торфососного крана, а потом – дежурным техником по добыче), в том же месяце прошел воскресник у инженерно-технического персонала. Он должен был выяснить, почему такая низкая производительность труда у бригад карьерщиков.

С разрешения И.И. Радченко была введена сверхпрогрессивная оплата труда: за 10 кубометров размыва и забора торфяной жижи из карьера в смену – 100 руб., за 20 – 400 руб., за 30 – 900 руб., за 35 – 1225 рублей! Правда, молодой техник гидроторфа, к сожалению, не зафиксировал, сколь долго просуществовала эта «сверхпрогрессивная оплата». (ф. 9508 РГАЭ)

Упомянутыми выше документами наполнены многие архивные папки (все тот же ф. 758 РГАЭ) многочисленной переписки изобретателей с инстанциями. В ноябре 1919-го они подвели итоги прошедшей торфяной кампании.

Из записки В.Д. Кирпичникова и Р.Э. Классона в Главторф:

В общем кампанию 1919 года по добыче гидравлического торфа приходится признать неудачной. В прошлом, 1918 году вся техническая сторона дела была совершенно выяснена, и были спроектированы и заказаны все механизмы, необходимые для того, чтобы поставить добычу гидравлического торфа безукоризненно в техническом отношении. В частности, было заказано 4 крана с приспособлением для вытаскивания пней фирме [инженера] Фаянс в Петрограде и в течение всей зимы мы получали категорические заявления, что краны будут вовремя доставлены.

Когда же наступил сезон, то оказалось, что ни один кран не изготовлен и доставлен быть не может. Поэтому пришлось спешно собирать старые, заведомо непригодные краны и подвешивать к ним торфососы, что вызвало очень большую задержку и к нормальной работе пришлось приступить только 18-го июня, по истечении почти половины торфяного сезона. <...> То же самое произошло со всеми остальными механизмами, которые или вовсе не были доставлены или были доставлены по окончании торфяного сезона.

<...> Медленность изготовления в настоящее время простейших опытных аппаратов и машин и невозможность быстро изготовить сколько-нибудь сложные механизмы тормозит разрешение этого важнейшего с государственной точки зрения вопроса.

При этом фирма инж. Фаянс могла быть и не виновата напрямую в срыве заказов: как мы уже видели, приходилось ходатайствовать в многочисленных советских учреждениях о лимитированном отпуске материалов, топлива и электроэнергии, а рабочие в Москве и Петрограде питались весьма скудно.

В январе 1920-го Р.Э. Классон и В.Д. Кирпичников отправили очередное письмо в «родной» Главторф:

Настоящим мы вынуждены сообщить Главному торфяному комитету относительно того ненормального положения, в которое попало производство гидравлического торфа на «Электропередаче». Последние полтора месяца работы мастерской по ремонту инвентаря и по подготовке новых машин для предстоящего сезона почти совершенно не подвигаются вперед, и масса драгоценного времени потеряна, вследствие того, что слесаря всецело поглощены вопросами о невыдаче им премии и о невыдаче им обмундирования. На «Электропередаче» все рабочие получают премию, и заработок их поэтому вдвое и даже более превышает заработок слесарей и рабочих, работающих у нас.

Кроме того, весь персонал «Электропередачи» получил очень полное обмундирование (теплые костюмы, валенки, тулупы и прочее), тогда как наш персонал не получил почти ничего. <...> «Электропередача» не включила наших рабочих в свой список по обмундированию и отказывает им в выдаче даже самых необходимых предметов, без которых работа на морозе идти не может.

Главный же торфяной комитет выдал обмундирование лишь на ничтожную часть наших рабочих, благодаря чему создались такие условия работы, при которых совершенно ничего сделать нельзя – слесаря не работают, а только разговаривают о валенках и о премии. Требовать от людей, чтобы они работали на морозе по ремонту кранов, не имея валенок, мы не можем. Рабочий, получающий 2-3 тысячи рублей жалованья, не может купить за 6 тысяч рублей себе валенки. <...>.

На этом документе начальство Главторфа поставило визу: «В дело», т.е. на жалобу изобретателей гидроторфа бюрократы-коммунисты не отреагировали по существу.

Аналогичная реакция была и по поводу высоких непромокаемых сапог, как видно из письма Р.Э. Классона и В.Д. Кирпичникова в высокие инстанции за май 1920 го:

Для рабочих, обслуживающих машины Гидравлической добычи торфа, нам необходимо иметь до 50-ти пар сапог, с высокими голенищами и непромокаемые, т.к. при добыче рабочие должны спускаться в карьер, наполненный жидкой торфяной массой. Ввиду изложенного, а также ввиду отказа как со стороны Главторфа, так и со стороны иных учреждений, к которым мы обращались, просим Вас сделать зависящее распоряжение о предоставлении нам 50-ти пар сапог.

В том же месяце председатель Совета Труда и Оборона В.И. Ульянов-Ленин телеграфировал в Завоуправление Сормовского завода:

Зная загруженность Сормовского завода военными заказами, президиум ВСНХ и Председатель Совобороны тем не менее предлагают вам принять к исполнению заказ Главторфа от 17 февраля на гусеничный торфяной кран, согласно разработанных вами чертежей, и исполнить его в кратчайший срок.

Кран этот, как будет видно ниже, предназначался как раз для добычи торфа гидравлическим способом.

По-видимому, к 1920 году и к «проталкиванию» изготовления гусеничного крана на Сормовском заводе относился и фрагмент такой жалобы Классона (в инстанции?), который сохранился в архиве И.И. Радченко:

Нами совместно была выработана очень хорошая конструкция крана, заказ был передан через Торфяной Комитет, но, к сожалению, в последнюю минуту Сормовский завод отказался делать кран, согласно прилагаемого при сем письма. Мы считаем это большой потерей, т.к. Сормовский завод по своему оборудованию мог бы строить большое число кранов, а для этого необходимо, чтобы ближайшим летом выработанная конструкция была практически испробована.

Мы, конечно, не можем снабдить Сормовский завод ни продовольствием, ни топливом, и потому и с этой стороны встречаются почти непреодолимые препятствия. Одна надежда остается на наши собственные средства, но и тут мы встречаемся с бюрократическими препятствиями. Вам известно, что мертвые ставки для оплаты труда квалифицированных рабочих до известной степени были смягчены введением премиальной системы. К сожалению, различные учреждения различно смотрят на это, и, в частности, для персонала Гидроторфа, несмотря на бесконечные хлопоты и ходатайства, не удалось провести премии, т.к. введение премиальной системы встретило принципиальные возражения в надлежащих инстанциях.

Получилось совершенно нелепое положение, при котором рядом, в «Электропередаче» работали слесаря на ремонте старых торфяных машин, получая премию, а наши работали на машинах нового типа, производя совершенно аналогичную работу, и не получали премии. Выходило, что одни слесаря получали в месяц 2 000 руб., а их товарищи рядом 5 000 руб. В результате слесаря Гидроторфа всю зиму больше разговаривали об этой несправедливости, чем работали, и было потеряно около двух месяцев драгоценного времени.

Затем мы потеряли много времени из-за невозможности получить для 18-ти слесарей, работавших на снегу по ремонту крана, 18 пар валенок. Из-за этих 18-ти пар валенок слесаря отказались работать вне мастерских, на снегу, и в результате мы летом будем работать на одном кране, а не на двух, а это означает потерю в добыче торфа для «Электропередачи» около 400 000 пуд. торфа. Эта величина явно не соизмерима со стоимостью 18-ти пар валенок, даже если бы их купить на вольном рынке, что было строжайше воспрещено. Получается несообразность, что из-за торжества мертвого принципа (не покупать на вольном рынке) губится живое дело.

А теперь отвлечемся на время от нудной переписки с инстанциями и приведем психологический этюд, вполне аналогичный тому, как Дмитрий Иванович Менделеев, пытавшийся упорядочить химические элементы, еще задолго до открытия протонов и нейтронов в их ядрах, однажды ночью увидел во сне их стройную таблицу, которая впоследствии и была названа «Периодической системой элементов Д.И. Менделеева».

Итак, Роберту Эдуардовичу в 1919-м не давало покоя ухудшение прочности кирпичей гидроторфа после их сушки. Однажды поздней осенью он проснулся среди ночи, и его осенила мысль: качество кирпичей зависит от того, в какой степени гидромасса подвергалась перемешиванию, растиранию и перерезанию волокон. В последней модели торфососа с одной парой турбинных элементов масса проходила только через две плоскости резания. При высокой производительности торфососа она как бы проскакивала через него почти без переработки.

Р.Э. Классон вспомнил, что в домашних опытах 1918-го, когда получились очень крепкие кирпичики, торф тщательно растирался для лучшего смешения с соляной кислотой в различных дозировках. Это были первые попытки, еще без участия специалистов, химически воздействовать на гидромассу для ее искусственного обезвоживания.

Роберт Эдуардович тут же разбудил сына Ивана, выполнявшего эти опыты, и спросил, верно ли он помнит о тщательном растирании торфяной массы. Сонный Иван, тем не менее, ответил вполне утвердительно.

А когда Р.Э. Классон в 1924-м лечился на курорте Наухайм (Германия), он в беседе с посетившим его Оттесеном, главным конструктором фирмы Мадрук, рассказал, как мысль о зависимости качества торфа от степени переработки гидромассы пришла ему в голову ночью, когда он проснулся. Оттесен, в свою очередь, сообщил, что ему долго не давалась конструкция пресса т.н. квазинепрерывного действия, пока не увидел во сне оригинальную кинематическую схему.

Он проснулся, сел за стол и зарисовал эту схему, чтобы не забыть ее. Именно эта схема и была реализована в новой прессе Мадрук. Но о непростой истории приобретения этого передового, на тот момент, пресса Гидроторфом мы расскажем в следующем очерке.

В июле 1920-го члены Комиссии по добыче торфа гидравлическим способом Р.Э. Классон и В.Д. Кирпичников вынуждены были ходатайствовать перед Особой Центральной Комиссией при Реввоенсовете:

Весь персонал, работающий по Гидравлическому торфу, считается мобилизованным, но возможно, что при предстоящих мобилизациях вопрос о персонале Гидравлического торфа будет пересматриваться, и потому мы считаем нужным довести до сведения Особой Комиссии данные, характеризующие работы по Гидравлическому торфу.

<...> Представляется чрезвычайно важным, чтобы те работники по Гидравлическому торфу, которые в этом направлении работали уже несколько лет, могли и по окончании торфяного сезона продолжать работать над дальнейшим усовершенствованием машин и не отрывались бы от этой работы мобилизацией.

В этом году был обучен кадр работников в несколько десятков человек, который желательно сохранить на будущий год, для того чтобы не терять первых недель короткого торфяного сезона (май, июнь, июль) на подыскание нового персонала и на обучение его. Эти обученные люди могут быть распределены по целому ряду артелей и своим примером содействовать более быстрому обучению новых работников.

Из письма И.Р. Классона «неизвестному писателю-популяризатору», предположительно в 1960 годах:

В 1920 г. был построен и испытан деревянный – железа не было – гусеничный кран для подвески торфососа, с отдельным вылетом для грейфера [по извлечению] пней. В августе его работа была показана руководителям Главторфа И.И. Радченко и А.В. Винтеру. Изобретатели гидроторфа еще не рассчитывали на помощь В.И. Ленина. Главторф решил с 1921 года развивать гидроторф на «Электропередаче» и внедрять его на разработках Шатурской станции (уже работала временная Шатурская станция), а также на Чернораменском болоте близ Нижнего и на Ляпинском близ Ярославля. (ф 9508 РГАЭ)

Поэтому в сентябре Главторф вынужден был так сформулировать свое отношение к опасному конкуренту (в заключении и программе работ на будущий, в 1921 году, сезон):

Гидравлический способ надо признать технически осуществимым, дающим продукт по своим качествам не уступающим машинно-формованному торфу. В пределах практической работы способ этот еще имеет важные недостатки в отношении необходимого количества рабочих рук, удлинения процесса сушки, незаконченной техники формования и проч.; для устранения этих недостатков, накопления широкого опыта, необходимого для промышленного его применения и получения практических сведений по работе на болотах различных видов – необходимо расширить работы гидравлическим способом.

Насчет «удлинения процесса сушки», якобы органически присущего гидроторфу, И.Р. Классон объяснял тому же «писателю-популяризатору»:

Качественно неудачен был сезон 1919 года, когда значительная часть [достаточно поздно, по организационным причинам,] разлитого гидроторфа от двух торфососов не высохла до зимы. Из-за этой неудачи Главторф сократил масштаб работ Гидроторфа, и в 1920 г. работал лишь один торфосос, но им было добыто вдвое больше, чем двумя в 1919 году.

В том же октябре 1920-го изобретатели еще безуспешно бодались с Главторфом по ряду принципиальных моментов:

Главный торфяной комитет полагает, что нет надобности в учреждении государственного института «Гидравлический торф», так как в 1921 г. предполагается вести торфодобычу гидравлическим способом в размере промышленной добычи. Именно потому, что уже в 1921 г. предполагается вести торфодобычу в размере промышленной добычи, мы и предлагаем основать институт «Гидроторф», так как без такового никакой промышленной постановки в будущем году быть не может.

Для того мы и предлагаем основать институт «Гидроторф», чтобы было центральное учреждение, которое сосредоточивает в себе задачу как об изготовлении машин, каковое сопряжено теперь с чрезвычайными трудностями и хлопотами, так и об организации производства на отдельных существующих торфодобывающих предприятиях.

Кроме всего этого институт «Гидроторф» должен будет широко поставить опытную часть и совершенствовать машины более быстрым темпом, чем это было возможно до сих пор, когда Комиссия по добыче торфа гидравлическим способом была маленьким учреждением, имевшим очень ограниченные кредиты и ограниченные штаты.

<...> Если же распылить производство и разрознить заботы по изготовлению машин по отдельным торфодобывающим организациям, как это предлагает Главный торфяной комитет, то, без сомнения, ровно ничего получиться не может, так как эти отдельные организации совершенно не в состоянии будут одновременно заказывать на заводе мало знакомые им машины, добывать необходимые материалы, следить за ходом изготовления на различных заводах, объединять работы и, кроме того, готовить персонал и готовить болото для будущей выработки. Рассчитывать на успех при такой децентрализации совершенно невозможно и при таком распыленном способе работ заказы будут взаимно перекрещиваться, центральные учреждения не будут знать, кому давать материалы, кому отказывать. Словом, получится совершенно не координированная работа, в результате которой может быть только полная неудача.

<...>Ввиду вышеизложенного мы совершенно не можем согласиться с предложенной Главным торфяным комитетом децентрализацией работы по изготовлению и по применению машин гидравлического торфа и считаем, что только путем создания особого учреждения, находящегося хотя бы всецело в ведении Торфяного комитета, но обнимающего все стороны дела и облеченного известными полномочиями и самостоятельностью, может быть осуществлено промышленное применение торфодобычания по гидравлическому способу.

Правда, Главторф все же в определенных, узких пределах (но только для опытной постановки дела) поддерживал изобретателей гидроторфа. Из октябрьского письма И.И. Радченко и Е.С. Меншикова в Президиум ВСНХ:

Главторфу необходимо для постановки добычи гидравлического торфа получить из Германии электрические центробежные насосы высокого давления, непосредственно соединенные с трехфазными моторами на 1 500 оборотов, каковые не могут быть изготовлены в России. Затем в настоящее время нельзя достать у нас и труб высокого давления с принадлежностями.

Для подробного ознакомления с новым способом получения торфа, а также для выяснения возможности получения моторов и других аппаратов для гидравлического торфа мы считаем необходимым командировать в Германию инженера Роберта Эдуардовича Классона, являющегося изобретателем гидравлического способа, знакомого с техникой торфодобычания, вместе с его секретарем Татьяной Робертовной Классон.

Попутно Р.Э. Классон, как электротехник, мог бы исполнить еще одну миссию, а именно ознакомиться с новейшими достижениями в области практической электротехники. Центральный электротехнический Совет постановил командировать двух лиц за границу, специально для указанной цели, и одним из них избран Р.Э. Классон. Срок командировки может быть установлен в 6 недель.

А вот отголоски препирательств изобретателей с Главторфом по поводу «разных методик» оценки производительности гидроторфа и его себестоимости (из ноябрьского письма Р.Э. Классона в инстанции):

При сем мы препровожаем цифры, характеризующие добычу торфа гидравлическим способом в 1920 году, а также предположительные цифры работы в 1921 году на основании данных, полученных в конце сезона 1920 года.

Эти данные совершенно не сходятся с данными Главного Торфяного Комитета. Это объясняется тем, что мы включаем в свои отчеты по эксплуатации, которые велись регулярно каждые две недели, только те расходы, которые шли действительно на эксплуатацию.

Бухгалтерия же Главного Торфяного Комитета включала также посторонние работы, не имеющие отношения к эксплуатации, как то: изготовление новых машин, подготовка площадей [под добычу и сушку] для будущего, 1921 года, плотничные работы по изготовлению ледников, погребов и прочих построек. Словом, все то, что производилось персоналом, числящимся при Гидроторфе, но то, что обычно относится на актив, а не на эксплуатацию.

Мы ознакомились с докладом инспектора Бехтерева, с содержанием его мы не согласны, но полемизировать не хотим, так же как не хотим полемизировать с Главным Торфяным Комитетом. Совершенно естественно, что если инспектор Бехтерев должен был в течение одного дня ознакомиться с данными по гидравлической добыче торфа и ознакомился с ними в бухгалтерии Главного Торфяного Комитета, то он получил одностороннее освещение, так как лица, давшие ему эти сведения, в свою очередь, с работой по гидравлическому торфу очень мало знакомы. Мы не хотим полемизировать, потому что сейчас с большим трудом удалось установить совместную работу с Главным Торфяным Комитетом.

Времени до сезона осталось очень мало, и если мы начнем препираться с Главным Торфяным Комитетом и опровергать его взгляды и цифры, то это расстроит нашу совместную работу, что, в свою очередь, отразится на ходе дела. Поэтому мы ограничиваемся представлением цифр и считаем, что эксплуатационные результаты будущего года наилучшим образом разрешат вопрос о том, чья оценка правильнее и чьи данные ближе к действительности.

Сами изобретатели в ноябре 1920-го так оценивали свой способ: на добычу 1 тысячи пудов торфа (при 25% влажности), но без сушки требовалось 110 рабочих часов, в то время как при машинно-формовочном способе в том же имени «Электропередача» – 225 часов. При этом большая часть рабочих при машинно-формовочном способе состояла из торфяников-специалистов, а при гидравлической добыче требовалась лишь четверть квалифицированных рабочих и служащих, остальные три четверти могли составлять черно-рабочие.

В 1921 г. планировалось сократить отмеченные выше трудозатраты до 70 часов на тысячу пудов за счет увеличения числа торфососов с одного до четырех. Расход электроэнергии в 1920 г. при гидравлической, высокомеханизированной добыче (с меньшей долей ручного труда) составлял 300 киловатт-часов на тысячу пудов, а при машинно-формовочной добыче – 115.

В «Экономической жизни» 21 июля 1920 года было опубликовано изложение доклада инж. В.Д. Кирпичникова об электрификации Центрального района, сделанного им в ГО-ЭЛРО. В нем Виктор Дмитриевич не мог не остановиться и на таком важном вопросе как топливообеспечение районных тепловых станций:

Добыча торфа машинно-формовочным способом со 100 млн. пудов в довоенное время упала в настоящее время до 60 млн. пудов в год. Главным препятствием для увеличения добычи является отсутствие специалистов-торфяников [опытных рабочих – МК]. Однако добычу торфа можно будет увеличить применением гидравлического способа, при котором требуется лишь ничтожное количество рабочей силы. Таким путем к концу десятилетия [к 1931 году? – МК] можно будет увеличить добычу торфа до 400-500 млн. пудов в год.

Но тут, еще до окончательного разрешения вопросов, «чья оценка правильнее и чьи данные ближе к действительности» и «возможно ли путем применения гидравлического способа довести добычу торфа до 400-500 млн. пудов в год», произошел коренной поворот. В конце 1920-го почти «индивидуальные торфяные страдания» Совнарком и В.И. Ульянов-Ленин преобразовали в «дело государственной важности» – Гидроторф.

Об этом мы поведаем в следующем очерке. А здесь, для «правды жизни», дадим выдержки из статьи, появившейся в «Правде» в следующем году – 28 июля 1921-го.

В ней приводятся живописные подробности того, в каких условиях приходилось работать и жить торфяникам и торфушкам, уже при «родной советской власти».

Итак, учащиеся Университета им. Свердлова побывали на «Электропередаче», после чего тов. Х. Топоровская прислала в «Правду» свои наблюдения и предложения (женский взгляд, внимательный к «бытовым мелочам», здесь особенно ценен):

Мы, группа студентов экономического цикла университета Свердлова, побывавшие на Электропередаче, о которой буду тут говорить, и видевшие реальное осуществление электрификации, убедились в том, что это не сказка, а сама жизнь. <...> Несмотря на тяжелые условия труда, уменьшение пайка почти наполовину – с 4 фунтов до 2½ фунт. хлеба, производительность увеличилась вдвое по сравнению с добычей раньше <...>.

<...> Наряду с огромными результатами, уже ощущаемыми нами, я не могу не остановиться на бесконечно тяжелых условиях поистине адского труда, в которых находятся рабочие Электропередачи. Особенно плохо приходится торфяникам. Их насчитывается 6-7 тысяч, из которых 2 000 женщин и 300 человек малолетних, начиная с 14 лет. Рабочие ямщики, стоящие по 8 часов в день в водяной торфяной массе, в одних лаптях, в значительном количестве работают без лопат, подымая эту массу голыми руками. А между тем эти лопаты можно было бы изготовить, что значительно облегчило бы их труд. Рабочие сами сознают, как выяснилось из беседы с ними, что соответствующей прозодежды доставить всем мы сейчас не в состоянии.

Но там имеется несколько человек, работающих на гидроторфе, которые стоят по грудь в воде в течение восьми часов – вот им-то соответствующие костюмы необходимы, и можно было бы их достать. Их насчитывается около 10 человек. Для такого количества найдутся кожаные брюки, которые и сейчас у нас не в диковинку.

При добыче торфа на глубине 1,5 метров уже может выступить вода (фото из книги «Гидроторф», 1923 г.)

Что касается жилищного вопроса, то здесь станция, расширяясь производственно, отставала в смысле оборудования и постройки жилья для рабочих, и им приходится жить в палатках по 20-30 человек. Спят они на сплошных голых нарах, без матрацев, на что рабочие поселка, в котором я была, больше всего жаловались.

А вопрос о матрацах, как выяснилось потом у представителя завкома, имеет свою обыкновенную историю с Центротекстилем, и ежели бы последний вернул забранные у них же брезенты, то матрацы можно было бы изготовить если не из соломы, которая нужна нам для скота, то из травы. И торфянику после адского труда не пришлось бы ночью давить свои кости на голых досках. На 105 артелей рабочих нет ни чайника, ни куба для кипяченой воды, и вопрос о кубах, как и о матрацах, имеет свою же историю с соответствующим главком.

Рабочим приходится пить грязную сырую воду, следствием чего заболеваемость поносом, по словам старшего врача тов. Шабина, доходит до 20-30 проц. в среднем. Больных в бараках имеется в среднем от 120 до 130 человек, амбулаторных (приходящих) ежедневно 160 человек. Из них 50 проц. малярии, из остальных различных болезней преобладает цинга и чесотка. Первая возникает оттого, что хлеб, который печется там же, вынимается из печки прежде времени сырым, к тому же он с суррогатами.

Но одно дело суррогаты (это, может быть, вопрос, не так легко разрешимый), а другое дело мокрый хлеб – тут уже нужен зоркий глаз администрации. Вторая, чесотка, свирепствует оттого, что рабочие лишены мыла и при этой грязной работе по 2-3 недели не моются, ибо баня, имеющаяся там, не рассчитана на такое количество людей. Еще и еще целый ряд других, казалось бы, мелких вопросов и даже часто местного характера, но вопросы, с которыми рабочий сталкивается ежечасно, ежеминутно – их необходимо и можно разрешить при определенном нажиме там, где нужно.

Тут не следует только болтать, отделиваясь общими словами и нашей разрухой, а реально, по мере возможности, облегчить этим героям труд.

Такой курс улучшения быта рабочих в их маленьких повседневных потребностях и взяла наша комиссия по улучшению быта рабочих, и результаты, при всей нашей разрухе, оказались значительными.

Стоит только не киснуть и ни на минуту не забывать о своих обязанностях, что замечается там. «Как только избираем кого-нибудь, – говорит мне квалифицированный, работающий там с 1914 года рабочий, – он тотчас же забывает, для чего его избрали, и отрывается от рабочих». Малолетние (300 человек) работают по 8-9 и больше часов. Где наш декрет об охране детского труда?

Здесь работают 2 000 женщин, поднимающих в день до 300 пудов тяжести. Их сезон продолжается не 45 дней, как для мужчин, согласно декрета, а с мая по сентябрь, пока кончится просушка. Среди них царят полнейшая тьма и невежество. Часы досуга проходят в игре на гармошке. Знает ли о них отдел работниц – не знаю, но что эти работницы и представления не имеют об отделе, для меня стало ясно из беседы с ними. При нас был устроен спектакль московскими артистами в центропередаче. Билеты продавались по 1 500 руб.

Ясно, что ни торфяники, ни торфюшки этой сладости не вкусили. Что касается политико-просветительной работы вообще на Электропередаче, то как подрайком, так и комсомол, имеющиеся там, проводят ее слабо. На Электропередачу нужно обратить сугубое внимание, надо помочь и завкому, который один не в силах справиться, ибо не все от него зависит, причем помочь не разговорами, не налетами туда различных главков, комиссий и представителей, а реально, по мере возможности, улучшить их быт на 20-30 процентов несомненно можно. Только будучи там, у них, познаешь всю тяжесть этих тружеников, работающих не покладая рук.

В общем, что при капитализме, что при военном коммунизме пролетариат в России (по крайней мере, на «Электропередаче») почему-то не мог добиться от работодателей обеспечения последними сносных условий для своей деятельности. Правда, любое проявление недовольства рабочих-торфяников при большевиках вызывало, как мы уже видели на примере забастовки в мае 1919-го, карательные меры со стороны ВЧК.